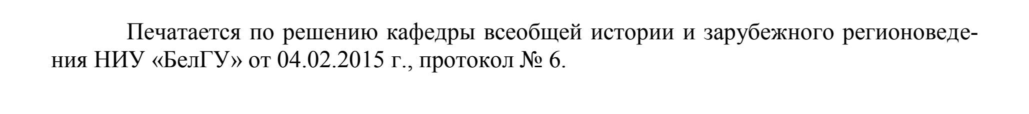

МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
Документы и материалы

Выпуск 3
ПИСЬМА ЛИБАНИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Белгород 2015

Печатается по решению кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения НИУ «БелГУ» от 04.02.2015 г., протокол № 6.

Научный редактор издания: проф. Н.Н. Болгов.

Мир поздней античности. Документы и материалы.
Выпуск 3: **Письма Либания в русских переводах** / Сост. А.М. Болговой, Н.Н. Болгова. – Белгород, 2015. – 66 с.

ПИСЬМА ЛИБАНИЯ И ИХ ПЕРЕВОДЫ

Либаний – руководитель школы риторики в Антиохии (314-393 гг.), одна из ключевых фигур позднеантичной культуры.

От Либания сохранились три рода сочинений – речи (74), учебные риторические декламации (прогимнасмы) (144) и письма (1600, подлинных 1544). Если речи были изданы в русском переводе в начале XX в., а в 2014 г. переизданы с дополненным комментарием, то два других вида сочинений русскому читателю почти неизвестны.

Между тем, письма Либания представляют собой важный исторический источник, а также занимают заметное место в классической эпистолографии. В издании Фёрстера[1] они занимают тт. 10-11.

В целях облегчения для современного студента знакомства с письмами Либания, в настоящем издании были собраны все имеющиеся на данный момент русские переводы. Распределяются они следующим образом:

- 13 писем приведено в издании «Памятники позднеантичного ораторского и эпистолярного искусства» (ППАОЭИ) (М., 1964) в переводе М.Е. Грабарь-Пассек: 44, 47, 224 (неполн.), 385, 525, 574, 722, 801, 1125, 1466, 1489, 1491, 1510;

- 4 письма (в прежних переводах М.Е. Грабарь-Пассек) приводит в недавней статье Е.В. Афонасин[2]: 385, 574, 801, 1466;

- многочисленные письма как полностью, так и (чаще) в отдельных цитатах дают Я.И. Алфионов[3] и, в основном, С.П. Шестаков в статьях, сопровождающих издание речей Либания, а также в комментариях к ним[4].

Также важно отметить наличие значительного количества английских переводов писем Либания. Эти переводы можно разделить на три группы:

- письма к Юлиану (перевод Джона Данкомба 1784 г.) – 14 (из них не имеющихся в русском переводе 10): 33, 224[5] (полн.), 372, **586** (Б[6]), 591, 602, 622, 670, **712** (Б), 1035, **1392** (Б), 1490, 2/2, 2/14;

- 206 писем (из них 2 повторяются в рус. пер.) в книге Раффаэллы Крибиоре[7]: 24, 26, 32, 41, 43, 44, 45, 59, 60, 63, 82, 87, 89, 93, 104, 117, 121, 129, 131, 135, 137, 139, 140, 144, 145, 147, 148, 155, 170, 172, 187, 190, 199, 201, 211, 224 (полн.), 231, 233, 239, 248, 249, 250, 254, 259, 260, 261, 262, 270, 273, 285, 287, 294, 300, 304, 305, 310, 311, 317, 318, 319, 324, 346, 355, 358, 371, 373, 376, 380,

---

[1] *Foerster, Richard.* Libanius, Opera. 12 vols. Leipzig, 1903–1927. Hildesheim,1963.

[2] *Афонасин Е.В.* Ямвлих в Афинах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Философия, № 4, т. 1. 2009. С. 26–35.

[3] *Алфионов Я.И.* Император Юлиан и его отношение к христианству. М., 2011 (первое издание: М., 1880).

[4] Либаний. Речи. В 2 т. СПб., 2014 (первое издание: Казань, 1912, 1916).

[5] Повторяется выше.

[6] Есть в англ. пер. Скотта Брэдбери (см. ниже).

[7] *Cribiore R.* The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, 2007.

406, 413, 419, 426, 437, 456, 465, 467, 472, 474, 475, 533, 534, 539, 540, 542, 547, 569, 570, 579, 584, 600, 601, 634, 645, 646, 653, 658, 666, 667, 681, 693, 704, 715, 719, 720, 721, 728, 737, 743, 745, 766, 767, 768, 777, 781, 782, 790, 794, 806, 812, 820, 831, 832, 833, 834, 835, 837, 857, 858, 875, 876, 884, 885, 886, 887, 892, 894, 895, 910, 911, 978, 996, 998, 1003, 1009, 1011, 1012, 1013, 1014, 1020, 1034, 1038, 1071, 1090, 1095, 1098, 1101, 1102, 1105, 1116, 1130, 1141, 1164, 1165, 1168, 1169, 1170, 1171, 1188, 1198, 1208, 1222, 1237, 1238, 1240, 1241, 1242, 1245, 1250, 1261, 1268, 1273, 1293, 1296, 1309, 1335, 1345, 1371, 1391, 1394, 1395, 1403, 1408, 1416, 1444, 1454, 1464, 1470, 1471, 1475, 1500, 1501, 1511, 1538, 1539, 1541, 1544

- 183 письма (оригинальных переводов из них - 168) в книге Скотта Брэдбери[1]: 13, 23, 40, 48, 61, 64, 72, 74, 75, 76, 83, 95, 98, 99, 119, 123, 142, 156, 158, 159, 166, 175, 185, 215, 218, 219, 220, 251, 252, 253, 255, 265, 293, 298, 330, 332, 333, 334, 336, 339, 345, 348, 351, 352, 354, 361, 362, 365, 366, 374, 377, 381, 382, **385** (рус.), 386, 399, 433, 435, 436, 438, 440, 458, 459, 482, 493, 503, 506, 510, 512, 514, 529, 532, **533**, 535, 544, 545, 549, 556, 558, 559, 560, 561, 562, 563, **574** (рус.), 578, 582, 583, 586, 604, 617, 620, 625, 629, 630, 632, 650, 651, **653**, 656, 661, **666**, 668, 695, 697, **704**, 712, **715**, 724, 727, 732, 735, 739, 763, 779, 791, 792, 793, 796, 799, **801** (рус.), 804, 826, 838, 1113, 1114, 1124, 1131, 1135, 1148, 1155, 1156, **1165, 1170, 1171**, 1173, 1174, 1183, **1188**, 1196, 1203, **1208**, 1217, 1218, **1222**, 1223, 1224, 1230, 1233, 1236, 1259, 1266, 1342, 1350, 1352, 1353, 1354, 1357, 1360, 1367, 1368, 1380, 1381, 1392, 1399, 1404, 1410, 1411, 1425, 1338, 1443, 1449, 1458, 1460, **1466** (рус.), 1482, 1514 *(повторяется 11 у Крибиоре и 4 в рус. пер)*.

Итого: 397 писем имеются в рус. и англ. переводах.

Разумеется, дело максимально полного перевода писем – дело будущего, но для уточнения исходных позиций для дальнейшей работы настоящее издание представляется нам важным и необходимым.

---

[1] *Bradbury, Scott.* Selected Letters of Libanius from the Age of Constantius and Julian. Liverpool, 2004.

Введение (по изд.: Памятники позднеантичного ораторского и эпистолярного искусства. 1964).

От Либания (314-393), крупнейшего оратора IV века, до нас дошло более полутора тысяч писем; однако даже эта огромная корреспонденция является, по-видимому, лишь незначительной частью всех писем, им написанных; она охватывает только тринадцать лет его долгой и деятельной жизни (355-363 и 388-393 гг.). Едва ли он вел переписку только в эти годы.

Круг знакомств Либания очень широк, и тематика его переписки очень разнообразна - среди его корреспондентов есть и военные, и государственные деятели, и риторы, и писатели, и частные лица. Характер самого Либания ярко отражен во многих письмах: немало людей, желая использовать его близость к Юлиану, обращалось к нему с просьбами о рекомендации и помощи, и он, по своему природному добродушию, охотно уступал их просьбам (таких писем особенно много в первый период его переписки). Напротив, в письмах к своим коллегам-риторам нередко отражается свойственная Либанию склонность к самовосхвалению (см. письмо к Фемистию, его постоянному сопернику).

Стиль писем Либания легок и изящен, и чтение их приятно и занимательно. Отсутствие глубоких и детальных работ о них объясняется не только огромным количеством их, но и малой доступностью: до последнего времени единственным их изданием оставался том in folio от 1738 г. (в два столбца с латинским переводом). Хотя при нем имеется хороший указатель имен, но сам текст не удовлетворяет современным требованиям. Надо надеяться, что законченное ныне издание всех произведений Либания (ed. R. Forster. Lpz., Teubner, с 1903 г.) приведет к более тщательному изучению этого богатого материала.

ПЕРЕВОДЫ[1]

13

… что может быть мне мило, когда ты[2] страдаешь?

18 Анатолию, префекту претория Иллирии

Если ты ставишь мне на вид, что я всех хвалю, я тебе, - что ты всех бранишь. Разве неразборчивость не одинакова в обоих случаях? Но моя привычка заключает в себе некоторую любовь к людям, скорее же нет никого, кого бы я похвалил, прибавляя то, чего нет у него, по пословице, чужие перья вороне. Но выслушай, каков мой обычай: «Если кто на деньги не падок, а падок к наслаждениям, за первое он получит похвалу, о втором будет умолчено. Ведь так бы поступил я, если бы и страну хвалил, например, если бы нужно было восхвалять Киферу, а Кифера остров у берегов Пелопоннеса. И вот, обрабатывая речь, я распространился бы о том, что он богат пастбищами и виноградниками, имеет хорошие гавани, лесист, но не похвалил бы за урожаи пшеницы; это было бы ложью. Ведь и тот, кто говорит хвалебную речь Аттике, не мог бы и этого сказать. Но ничто не мешает восхвалять за то, что можно. Почитаю Ахилла за то, что обращал в бегство троянцев, почитаю Паламеда за мудрость. Но неправ тот, кто порицает их за то, что каждый из них не имеет свойств и того, и другого. Положим, я бы сочинял слово тебе, и ты просьбами своими убедил меня к тому. Неужели ты воображаешь, что похвалы представлялись бы мастеру отовсюду? Ты, может быть, думаешь так; не так на деле. Но я бы сказал о бодрствовании, о трудах, о правильном суждении, о предусмотрительности, об остроте мысли, о силе слова, о многом другом. Но не назвал бы тебя красивым и высоким. Этого природа не дала тебе. А упомянув о деньгах, сказал бы, что ты всячески сторонишься воровства, но не стал бы утверждать, что ты держишься добродетели безвозмездно. Получаешь же ты царские дары, и время твоего управления соделало же тебе дома городами, так как, хотя ты ничего не отнимаешь, но брать – берешь. Гораздо бы лучше было, если бы ты ни у кого не брал, так как славнее столбов, какие дает государь, та известность, какую дает бедность.

20

Этот человек[3], благодаря которому справедливость посетила наши края, и насилие удалилось, водворился праздник в городе.

---

[1] Отсутствие указания на переводчика означает, что перевод принадлежит С.П. Шестакову.

[2] Император Юлиан.

[3] Никентий, консуляр Сирии.

25

Умер Аристенет, о Зевс, и новый удар поразил меня, так как божество не пощадило и главу Гиерокла. Вот почему я молчал, и буду молчать, что касается публичных выступлений. Но юноши, посещающие мою школу, пользуются моим руководством не хуже прежнего.

31

Я оплакал этот город, который узрел с величайшим удовольствием, покинул с неохотой, о котором тосковал и сидя дома; а вперед города Аристенета, погибшего на его улицах вместе с ним, этого благородного человека. Думаю, что плачи эти, ни тот, ни другой, не мои, но оба создания печали. В то время как я был вне себя и внушал близким опасение, что не переживу удара, она, взяв мою руку, написала то, что желала. Лиц, коим я прочел их вслух, было четверо: обстоятельства не позволяли публичного исполнения. Кроме дяди, был ритор Присцион, затем отличнейший Филокл и Евсевий, что изощрился в привязанности. Сабин был в деревне. Вот кто из моих.

33 Юлиану

Тело твое, согласно тому, как ты сообщал, да пребудет неизменно здравым, а печали да пошлет лекарство бог, а скорее, в некоторой доле печаль требует бога, а частью ты властен сам положить конец в ней. Ведь восстановить город, раз ты того захочешь, недолго, а утешение в унынии по умершем да явится откуда-нибудь с неба. Я же считаю счастливой Никомедию и поверженную. Следовало бы ей стоять. Но слезами твоими она все же почтена, а те слезы не уступят тем плачам, какие, говорят, завели Музы над Ахиллом, или той кровавой росе, какую ниспослал Зевс по Сарпедоне, которому предстояло умереть, почитая любезнейшего сына. Итак, твоей заботой да будет, чтобы город, когда-то бывший, снова стал таковым. Элпидий[1] же, если и прежде был хорош, теперь в его нраве замечается преуспеяние, достойное удивления, и не только сказанное Софоклом: «Тираны мудры мудрых обществом людей» справедливо, но и мудрость царя может стать руководством к добродетели их приближенных, как и ты принес пользу этому человеку, способствовав его нравственному усовершенствованию более, чем богатству. Хотя ты и моложе Элпидия, ты стал ему учителем в этих добрых качествах: гуманности, услужливости, благодеянии друзьям, услаждении этими благодеяниями, кротком обхождении с незнакомыми людьми и привлечении к себе всякого встречного. Действительно, все те, кто приближались к этому человеку и обращались к нему с речью, восхищались им, затем быстро проникались любовью к нему и еще больше усматривали твой образ

---

[1] Префект Востока с 350 г., христианин.

мыслей в людях, пользующихся твоим доверием. У меня с ним были частые разговоры, и беседа шла все о тебе и твоей душе, какой ты обладаешь, об обстоятельствах, в каких ты находишься, как ты к ним относишься и как виду их поступаешь, так что я чуть не разговаривал с тобой, будто ты был предо мной. Самым лучшим из слышанного было то, что ты гонишь варваров и составляешь записки о своих победах, что ты в одно и то же время и историк, и полководец. Ахиллу нужен был Гомер, а Александру много таковых. Твои же трофеи будут запечатлены в памяти со слов того, кто воздвиг их. Настолько оставил ты позади себя софистов, поставив предметом их труда не только подвиги твои, но и соревнование с тобой в речах, которые ты сочинил об этих подвигах. Присоедини же к трофеям и то, чтобы Помпеян получил принадлежащее ему по праву, и считай и это сражение немаловажным. Это тот человек, которого ты когда-то с удовольствием узрел в Вифинии в качестве посла отсюда и, узнав, что у него отняли, внушил ему надежду, что он получит свое назад. Вспомни, государь, об этих обещаниях.

34

Пиндар говорит где-то, что он страж золотых яблок и уделяет от них то одним, то другим. Я полагаю, что он говорит это зря, тебе же представляется, что я произвожу золотые слова, и меня за мои плачи ты теперь включил в число трагиков. Смотри, потерпят ли это твое суждение Софокл или кто другой из его сотоварищей по искусству.

41

Его птенцы несутся к другим…

44 Модесту[1]

Я рад, что ты жалуешься на меня; а если ты, получивший от меня уже много писем, скажешь, что не получил ни одного, я буду еще больше обрадован: ведь такие жалобы - жалобы любящего, который, желая получить больше, утверждает, что не получил ничего. А если бы ты, получив одно письмо, говорил, что получил их уже много, то было бы ясно, что тебе вовсе и не хочется их получать. Теперь же, жалуясь на то, что они будто бы до тебя не дошли, - между тем, как их дошло немало, ты выдаешь себя: видно, никаким множеством писем нельзя утолить твою жажду. Однако я должен сказать, что моих ласточек улете-

---

[1] Пер. М.Е. Грабарь-Пассек. Пер. Домиций Модест, ритор IV в., начал свою деятельность адвокатом. В Антиохии был в весьма близких отношениях с Либанием; покинув этот город, завязал с ним оживленную переписку. Много путешествовал по Месопотамии, Александрии и другим провинциям.

ло от меня больше, чем прилетало от тебя сюда; правда, ты можешь сослаться на то, что тот, кто, будучи занят важными делами, отправил три письма, послал их больше, чем тот, кто послал пять писем, но кому и делать больше нечего, кроме как писать.

Что касается меня, то я и прежде ненавидел персов за то, что они, причинив нам зло и потерпев поражение, все же стараются причинять нам его; теперь же я еще больше считаю их своими врагами за то, что и тебе они чинят неприятности и лишают меня надолго твоего любезнейшего мне общества. А ты, даже в свое отсутствие, доставляешь мне радость, подавая надежду на то, что ты и без особых подготовлений сумеешь нагнать страх на неприятеля. И я увижу, как ты вернешься к нам, хотя и позже, чем ожидали, но в более громкой славе, и стяжаешь хвалу в награду за многие твои походы; и тогда о том, что теперь тягостно, ты вспомнишь с удовольствием.

45

Когда враг изречет такой приговор обо мне, тогда я готов буду гордиться, как победивший силой своего слова его ненависть. Ведь и Демосфен, я вижу, указывает, что выбрал лучшие свои произведения, основываясь на том, что даже враги не злословят насчет тех, которые он выбрал. Но друг, восхваляющий друга, - тот же Астидамант, что хвалит самого себя. Я бы не сказал, чтобы ты помнил об этом, судя по твоему письму. Но я доволен тем, что имею друга, а не тем, что он так искусен в красноречии. Из произведений моих я пошлю тебе все, что ты только попросишь, чтобы не огорчить тебя. Иначе [без просьбы] не пошлю, чтобы не казалось, что хвастаюсь.

47[1] Модесту

До меня дошел слух, что страх, охвативший всех, дошел до высшего предела, что персы навели мосты и грозят переходом. Тебе, конечно, приходится нести много забот, но пусть твоей душой не овладевает смятение. Ведь именно для того, чтобы принять нужные меры, необходимо полное спокойствие, а между тем смятение, несомненно, затемняет разум. Тебе может служить ободрением и то, что с самого начала войны персы пытались совершить переход через Тигр, но, терпя каждый раз поражение, сами отказывались от своего замысла. Кроме того, победа не всегда сопутствует многочисленному войску, напротив, по большей части, войско, преобладающее по численности, оказывается более низким по разуму. Ведь если бы огромное войско было в то же время и более храбрым, то любой из предков этого царя[2] должен был бы уже давно завоевать всю Элладу; но ты сам хорошо знаешь, что, охваченный жаждой завоева-

[1] Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.
[2] Имеется в виду персидский царь Сапор.

ния, он, в конце концов, искал спасения в бегстве. Оказалось, что не одно и то же - пробивать горы и побеждать человеческую доблесть. Этот царь тоже столкнется с такими вождями, которые заставят его понять, что для него лучше было бы сражаться с оленями.

Однако, даже если персы переправятся через Тигр, они не смогут овладеть укрепленными городами, а всей области они не смогут ни нанести какого-либо вреда, ни воспользоваться плодами ее урожая, так как в ней уже все сожжено. Города по Евфрату персы, конечно, попытаются захватить, но это им не удастся, их защищает богиня Судьбы, покровительница императора. Надо надеяться, что все произойдет именно так. Твои поручения, для осуществления которых нужно было получить письма от Гермогена[1], я не преминул выполнить. Но мы, мышки, больше стараемся приносить пользу вам, львам, чем вы, львы, - нам, мышкам.

59 Флоренцию

… и теперь этот Геракл будет выполнять то дело, к которому вы его приставите.

60 Флоренцию

Присциан для меня все и настолько, насколько все близкие ко мне.

62

… излечивая зло злом, во вред мне устраивал некое путешествие тягчайшее пропасти.

78

Вы, высоко поставленные судьбой, считаете, что даже не в обиду шутки наши тем, кого вы оскорбляете, полагая, что вам подобает унижать, а тем всюду преклоняться.

Прежде всего, относительно меры писем заявляю, что если ты недоволен краткостью моих, и длиной твоих. Моей манерой Спарта утешается, и ты назвал мое письмо лаконским. А назови-ка указчиков твоей болтовни. Не сможешь никого, разве только того, невоздержного на язык, что плакал в собрании ахейцев.[2]

---

[1] Гермоген — родом из провинции Понт, человек мягкого характера; занимался языческой философией, много путешествовал. Во время своего пребывания в Антиохии стал другом Либания.

[2] Терсита.

79

Издавна в привычку тебе издеваться над софистами … вместо содействия ты прислал мне письмо, полное шутливости.

…..

Ты увещеваешь меня к откровенности, уверяя, что все снесешь, что бы я ни сказал, а Эсхил отговаривает, заявляя: «Не следует смело говорить людям низшего общественного положения». Да и Еврипид говорит, что те, кто одушевлены великими вымыслами, - разумея, можно думать, вашего брата, - сурово встречают смелые речи со стороны людей низшего положения. Но все же, так как ты желаешь ответа, я поступлю в угоду тебе и поэтам, последним так, что выскажу не все, тебе так, что не все скрою.

86

Ты и вообразить себе не можешь, с каким удовольствием я получил вперед твое письмо. Ты написал, услышав, что я пишу, но не имея еще в руках моего письма, как если бы оно уже было тобой получено.

95 Модесту, комиту Востока

Наш дом сгубила смерть дяди. Умер, о боги, умер во всех отношениях лучший человек, Фасганий, которого ты чтил больше всего и о болезни которого ты тревожился. Я желал бы немедленно вслед за ним уйти тем же путем.

96 Флоренцию

Я посылаю тебе письма за подателей их, в одних и тех же выражениях, но не с одинаковым внутренним убеждением. Но одни пишу лишь потому, что не могу отделаться от докуки, и если таким просителям ничего не удастся, заботы мало. А для тех, за которых пишу от всего сердца, я присоединяю к письму мольбы, и, если таковые лица воспользуются твоей благосклонностью, то моя выгода.

102

Ты поистине принадлежишь золотому веку, что медные речи друзей так обливаешь золотом в своих письмах.

… Когда говоришь обо мне с другими, чти умеренность.

105

Ваш правитель мне друг, и несомненно в пользу вам будет его управление.

… Расправить крылья лебедя…

119 Гаяну

Ты явился в качестве помощника финикийцу, помощником правителю Финикии, человеку умному, отлично знавшему, чье искусство речи ему нужно. Желая повидать тебя, я увидал и остался доволен, и, немного побеседовав с тобой, так как ты рассчитывал идти завтракать, отпустил тебя.

122

В своем письме ты просишь меня не забывать тебя. Почему же не попросил уже тогда мне не забывать самого себя? Если последнее считал ты излишним, того же мнения держись и о первом, так как, только когда о себе, тогда забуду о тебе, многими прекрасными поступками влившем в мою душу память о себе, какую, если бы и тиран приказал, не смог бы я выбросить из нее. тобой, молча, восхищаюсь и за то, что не считал ты обязанностью правителя издеваться над подчиненными, не терзал людей на правеже, не было ни плетей, ни темницы, ни слёз, тобой вызванных. Пляски, и пиры, и праздники, и изобретательность в развлечениях, почести чиновникам, удовольствия народу, похвалы ото всех, причем содействовал каждый по мере способности. Иной, у кого родители суровы, находил доброе обхождение со стороны правителя. Помним об этом, ищем того не без надежды. А кто думает, что судьба делала то время безмятежным, пусть знает, что не в укор то тебе, а в похвалу, если не было в укор и Телемаху то обстоятельство, что Афина была спутницей его, всё ему устраивая.

136

С тех пор, как ты уехал, мы окутаны туманом и облаками.

137 Гипатию

Не то, что ты посылаешь письмо, требует извинения, а то, если бы ты этого не сделал. Не для того, чтобы молчать, трудился ты над речами, но для того и я о тебе старался [обучить тебя].Мне кажется, ты оправдываешь слова, что ты не ученик мой только, но и сын. Следуя правилу Солона, ты питаешь отца и по удалении из школы.

142

Музы мирятся со Справедливостью.

155

Я знал, что ты и это сделаешь, что делаешь, и пришлешь недурное письмо. Твое усердие явно было видно, и ты умел писать.

Когда ты начинал уже расправлять крылья, я, приняв тебя, приносил тебе пользу; Клеобул стал для тебя Фениксом.

188

[речи], которые совсем не лучшие, но ему не покажутся плохими.

159 Андронику, консуляру Финикии

Об обоих вас, Гипатии[1] и тебе, до нас доходит говор восхищения, и вы поистине печальники, заслуживающие этого названия. Мы радуемся за тех, о ком вы печетесь, а вы друг на друга, один, что такой человек благодетельствует его отечеству, а ты, что управляешь городом, который был родиной такого человека.

206

Когда Лимений считал нужным казнить меня в угоду другому, он[2] стал на моей стороне против гнева правителя.

210

[Антонина] снова заставляют везти хлеб…

224[3] Юлиану

Неужели ты забыл меня? А мне забыть тебя не "позволяет Финикия, восхваляющая тебя в бессмертных песнопениях. Да и из твоей Азии обильно текут к нам речи о твоих подвигах, подтверждая, сколь многого можно еще ожидать от тебя. Однако ничто из того, что о тебе сообщают, не достигает того величия (ведь все это одинаково величественно), которое превысило бы мои надежды, на тебя возлагаемые. Я чрезвычайно радуюсь и твоей благосклонности по отношению к нам, ионийцам, и надеюсь, что твой путь и далее будет счаст-

---

[1] Консуляр Палестины I.
[2] Пэоний.
[3] Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.

лив и что ты будешь управлять нашей страной, всё увеличивающейся в своих размерах. Но предоставим это попечениям божества...

[Письмо заканчивается рекомендацией некоего Андрогатия.]

224[1] Юлиану, проконсулу Азии

Разве ты забыл обо мне? Нам этого не позволяет Финикия, чтущая тебя безмерными гимнами. От вашей Азии течет молва о твоих деяниях, подтверждая ожидания. Право, ничто из сообщаемых вестей не настолько велико, а они все значительны, чтобы превышало надежды. Мы [антиохийцы] радуемся и по родству к ионянам, и по тому, что, подвигаясь также к своей карьере, ты достигнешь и власти над нами, в высшем сане.

225 Гиперехию

Видя меня погибшим, Гаудаций поспешил сообщить, что ты поправился.

241 Италициану

Я стал читать и вскочил с места вместе с другими: какая дивная мысль и какое соответствие слов мысли!

И вот, мы утешались в нашей потере разговором о том, чем мы обладали до этого времени; а ты утешайся, посылая письма и приглашая к тому других.

242

… принимая прибегающих к его помощи в две гавани, чтение законов и слово ритора.

258 Евдемону

Разговоры у нас бывали не о еде, не о том, чем мы пообедали или чем собираемся пообедать, и не о том, кто покидает свой пост, и кто будет его преемником. Это, кажется, не имеет никакого отношения к Музам. Но я, увидев тебя. Тотчас увлекал к деревянным оградкам лавочек и, задержав тебя, чуть ли не силой пригвождая к месту, вводил тебя в изыскание слов. А ты отделял подлинные от неподлинных, одним, неправо изгнанным, помогая, другие изгоняя как неправо обретающиеся в почете. Свидетелями одних и тех же таких занятий наших являются и пригородные места, где, стоя в ожидании правителей, мы имели, чем заняться.

---

[1] Вариант перевода: С.П. Шестаков.

263

Не считая Акакия за жреца Гермеса, ты меня огорчаешь, а раньше меня бога.

278

… благодетельствующего речами вселенную.

285

Ты не воскресишь мертвого, как в мифах.

290

Я получил удовольствие от твоего письма. Ты сообщил об удовлетворении моего желания, и красота письма как такового была поразительна.

292

В остальном я готов уступить тебе, но эту победу одержал над тобой, давно поступив как подобает другу, когда ты не щадил красноречия, дабы не лишиться того, чего лишенный,[1] я молчал. Но мне кажется, тебе не остается безызвестной и та, вторая, услуга, что я тебя хвалил, а все меня за то, что я одобрил тебя и твои декламации. Письмо же ты первый написал, я написал в ответ.

302 Александру, консуляру Вифинии

Желай, чтобы многие проезжали через Вифинию. Там будет много тех, кто станет хвалить тебя. Никто из проезжающих по этой области, не является к нам без того, чтобы не отозваться с восхищением о твоем управлении.

… Эльпидий, раз зайдет о тебе речь, вскакивает, кричит, прямо корибантствует, готов бы, минуя все почтовые сообщения, на Пегасе скорее доехать до тебя.

313 Гонорату, сыну Квирина

К чему я тебя побуждал, чтобы от писания писем ты достиг до искусства писать их красиво, в этом, вижу, ты успеваешь. Ты уже изящен, будещь еще более изящным.

---

[1] О содержании, которое было отнято у Либания после переезда из Константинополя в Антиохию.

320

Через его посредство[1] мне удалось познакомиться с поэтами.

324

Звезда Греции – город афинян

330 Ямвлиху

Великое приобретение для остальной жизни познакомиться с городом.

332

Клянусь богами, разве не предпочел бы ты, чтобы эти слова[2] были сказаны тобой, власти над вдвойне большим числом подданных, чем каким ты сейчас управляешь? Ответь мне на письмо и напиши что-либо подобное, ты, совсем немногих оставивший в положении частных лиц, так как ливень приказов [о назначении] многих приводит к императорским яслям.

335 Клематию

Чего ты желаешь, то получаешь: похвалы, рукоплескания, поклонение многих. Кто ни скажет о Клематии, только и слышно: «божественный правитель, бедность, пренебрежение богатством».

344

Хорошего брата оплакивал ты, так и я, хотя он не был мне братом, но потому, что он был мне хорошим другом. Хорошо сделал ты, ослабив свою печаль, которая, умершему пользы не принося, изводила живого. Верно, что врачом тебе был бог – покровитель твоих речей, чтобы ты не отдавался скорби своей больше, чем красноречию. Если, действительно, что произошло с тобой благодаря мне[3], моя выгода, что ты избавился от некоторого бедствия. Своими речами я совсем не восхищаюсь. Они далеки от красоты. Но я считаю их счастливыми, если ты даешь о них такой отзыв.

---

[1] Отца Ритория.
[2] Удачный ответ Спектата персидскому царю.
[3] Т.е. присланным Либанием монодиям.

349 Гиероклу

Есть надежда, что Каликий послушается. Но надо и тебе не все журить его, но и приветствовать за ревностность. Самое это послужит к ревности.

354 Флоренцию

… но цветет у меня память о тебе и расцветает, и беседа о тебе наслаждение, с похвалой твоей кротости, ровности характера, остроте ума, почитанию истины, вниманию к достойным людям. Это мы повторяем наперебой с другими.

355

Я тешусь, воображая, что вижу твои дела, и каждое описывая словом: «Сейчас Спектат наш не вдали от государя, вот он совсем близко, вот он у него, и рассказывает о своем путешествии к персидскому царю, о реках, через которые переправился, о стране, которую посетил, племенах, жизни их, речи по делу своему как посла, а тот, с лицом кротким и вещающим удовольствие, хвалит ритора и, ища почести ему, не находит большей, чем снова послать его. А он [Спектат] едва вспоминает о софисте-родственнике, которому обещает многое, а не исполняет и малого, в уверенности, что достаточно улыбнуться и поцеловать в голову, и сетование устранено.

… Ему предок Борей, потому, видно, и нуждается он в Борее, а не подует сильного ветра, он стоит неподвижен как камень. Уверен, что и он способен на то же, на что Ксанф: человечьим голосом завопить под градом ударов. Вот так породистость коней открыта тобой!

367

… прекрасный поэт и еще лучший воспитатель, искусный в деле внедрения в души юношей сочинений древних, искусный и в том, чтобы уподоблять им свои, непрестанно живущий сред книг.

Он обладает наиприятнейшим изяществом. При его искренности и благородстве его не поймаешь на том, чтобы он одно думал, другое говорил. Быв товарищем Евдемону и по воспитанию, и по школе, раньше по посещению школы, теперь в качестве преподавателя, и живя с ним душа в душу, он отторгнут был от него твоей властью. И теперь, разлученные, он отправляется в путь, а тот сидит дома. Евдемона утешу я, а Гарпократиону ты будь тем же, чем я Евдемону.

369

… речи, сажали Квирина на трон софиста.

370 Модесту

С наступлением вечера, поры, когда я привык посещать тебя, чувствую, как ноги сами просятся идти, но, не имея возможности увидеть тебя, я тоскую. Может быть, и с тобой происходило нечто подобное на закате солнца. Эту мысль внушает мне и твой характер вообще, и те упреки, какие ты выражал при твоих проводах мной. Ты говорил, что ты в обиде, лишившись на два дня моего общества. И обвинения те были мне слаще меда. А когда я ссылался на недуг головы и говорил, что этим вынужден был остаться дома, ты нашел другой повод к обвинению, что я не сообщил тебе о том. Такое отношение, свойственное частным лицам друг к другу, проявил правитель к подвластному ему. А что, будучи любимым, ты умеешь так любить, не меньшее доказательство добродетели, чем то, что творишь суд так, как ты его творишь. Что работоспособностью ты подражаешь Гераклу, быстротой Персею, это прекрасно с твоей стороны. Но мне твои крылья нужны не для того только, чтобы они быстро перенесли тебя за Евфрат, но и быстро перенесли тебя назад, на нашу реку Оронт.

371 Фемистию

Не так Телемах похож был на отца, как ты похож на Демосфена.

372 Юлиану

Ты одержал двойную победу, одну оружием, другую речами, и тебе стоит трофей, один со стороны варваров, другой со стороны меня, твоего друга. Этот последний для побежденного приятен. Ведь в пожелания всех родителей входит уступка пальмы первенства детям, и ты, получив от меня направление в путях литературы, превзошел давшего тем, что приобрел. Что касается размеров письма, мне следует, конечно, как ритору, оправдаться перед военачальником, вернее, перед тем, кто не менее опытен в речах, чем в битвах. Так как император призвал тебя к сообществу во власти, я полагал, надо мне посбавить откровенности и не по-прежнему относиться к лицу, значение которого столь возросло. Было бы непростительным, если бы в своих фиктивных речах-упражнениях мы знали, как следует держать речь к Периклу, Кимону и Мильтиаду, а в действительной жизни упускали из виду требования приличия. Даже то самое, что ты говоришь, что письма полководцев коротки вследствие обилия дел, заставляло меня и самого сокращать письмо, зная, что тому, кому недосуг писать длинные письма, будет помехой и длинное письмо корреспондента. Но теперь, когда ты просишь меня писать подлиннее, я послушаюсь тебя. Поздравляю тебя, во-первых, с тем, что, держа в руках оружие, ты не покинул и рвения к литературе, но сражаешься так, будто у тебя другого дела нет, а живешь среди книг, будто бы отказался от битв; затем, с тем, что ты не дал повода тому, кто разделил с

тобой власть, к раскаянию в своем поступке, но что, считая его и двоюродным братом себе, и соправителем, и владыкой, и учителем, ты своими подвигами и прославляешь его, и врагам говоришь: «Что бы с вами было, если бы появился государь?» Это хвалю, хвалю и то, что с одеянием не изменил ты и своей души, и что власть не заставила тебя забыть о друзьях. И да будет тебе великое благо за то, что ты показал лжецом меня, который не выразил величия всех твоих подвигов. А вот что уж прямо твоя заслуга, в чем никто тебе не служил примером. В то время, как прочие вместе с царской властью прониклись корыстолюбием, причем одни, если раньше и не желали того, начинали любить деньги, у других страсть эта усиливалась сравнительно с той, какая прежде обитала в их душе, - ты один, став у власти, уступил отцовское состояние своим знакомым, одному дав дом, другому рабов, третьему земли, четвертому денег, и показал себя богатым скорее в бытность частным человеком, чем государем.

Но не думай, чтобы я исключал себя из числа друзей из-за того, что и сам не был в числе получивших. Я могу объяснить, отчего я один не имею. Ты желал бы для городов, как всего прочего, благодаря чему они благоденствуют, так и силы речей, зная, что, если кто их погасит, мы сравняемся с варварами. Итак, ты боялся, как бы, получив достаток, я не стал избегать искусства слова, и счел нужным держать меня в бедности, дабы и я сам сберег свое положение. Такое мое гадание вернее. Не приходится тебе сказать: «Мука – Амфиарай и Капаней[1], а этот и в счет не идет». Но то, что ты не дал, было результатом заботы о государственном благе. Итак, в недостатке денег я богат искусством слова. Это царство твое, а я, быть может, не посрамлю своего царства, где властвую, как и ты над своим, великим.

377 Аристенету Вифинскому

Суждено было тебе вкусить, наконец, трудов правителя, как будто бы ты не избегал всячески этого положения. И теперь пояс, и отряды воинов, и толпа, осаждающая двери, и бодрствование, и заботы. Где прежний досуг и бездействие! Не боюсь нисколько, чтобы, впервые получив высший пост, ты не почувствуешь головокружения … Все, кто услышали о твоем назначении, во всех весть эта возбудила удовольствие. И из тех, кто прежде заявляли себя твоими друзьями, никто не был изобличен в дружбе только на словах, но по всему городу слышался отзыв, что давно говорили: «Аристенет достоин». Восхищались и императором, что мудрые пчелы устроили сот власти.

385[2] Ямвлиху, отправленное в Константинополь летом 358 г.

---

[1] Пословица, т.е., «о них и говорить не стоит».
[2] Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.

Виды Греции прекрасны! Тебе она понравилась. Египет не хуже. Что и говорить. Тебе осталось только утвердиться дома, а дому твоему вновь обрести тебя. Ведь если ты не чтил ее [Апамею] ранее, то, сроднившись с эллинами, ты конечно же сочтешь и ее достойной восхищения. Если же, избрав жизнь философа, ты решил, что для ее достижения надлежит жить на египетский манер, то учти, что тогда не видать тебе ни золота, ни плодородной земли, ни рабов, ни дома, а родину ты найдешь там, где исполнятся твои благие устремления. Если же покажется нам слишком большим это море, давай вместе займемся тем, что отец, после тяжких трудов, тебе оставил. Вспомни те места, где мы были вместе, речи, которые составляли, и занятия, которыми заполняли свой досуг, наших друзей и родственников, которые теперь в твоем отсутствии винят меня, досаждая и мучая бесконечными расспросами: “Где тот юноша, который во всем слушался тебя?” Мне же - ведь не имея возможности отрицать, что ты всегда слушался меня, я в то же время не могу сказать, что не призывал тебя - остается только молчать, потупив взор.

391[1]

Еще не избавился я вполне от головной боли, а меня застигла другая, сильнейшая невзгода, которая наполнила душу мраком, и по причине которой многие из друзей моих долгое время сидели надо мной, пытаясь всевозможными средствами спасти мой рассудок. Можешь ли вообразить, что со мной стало при известии о том, что самый дорогой мне город покрыл своими развалинами самых дорогих мне людей? Я забывал о пище, забросил речи, сон бежал от меня, большей частью я лежал молчаливо, одновременно лились мои слезы о погибших и моих друзей надо мной, пока кто-то не уговорил меня оплакать в речах город и тех, что не такой смерти заслуживали, о Зевс. Послушавшись этого совета и несколько отведши свою скорбь в своем сочинении, я становлюсь более умеренным в своем горе.

393 Гиероклу

О, Зевс и боги! Хроматий, повторю, Хроматий умер!

Полагаю, признав, что человек этот лучших качеств, чем каким свойственно влачить дни свои на земле, но что он подходит к их хору, боги перенесли его из здешней юдоли на небо. Так нужно и тебе думать, в том же уверить и дочь,[2] и считать достойным его образования уметь вам переносить свое горе.

394а

---

[1] О землетрясении в Никомедии 24 августа 358 г.

[2] Т.е., вдову Хроматия.

Я явился в среду людей, которым не верилось уже, чтобы им пришлось остаться в живых.

……

Письмо, очевидно, твое … ты обидчик, и письма заключают много такого…

Сочиняя то письмо, ты задел меня насмешкой.

… когда гроза прошла, и я избежал смерти, о какой ты слышал.

396

… он[1] согражданин мой и дает мне право величаться

407 Аристенету

Я соболезновал и тогда, когда до меня доходил слух о болезни твоей жены, воображая, каково, вероятно, твое настроение при ее недуге, а после того как узнал о кончине ее, разразился воплем, возмущенный душою, что в горе Аристенет, натуре которого свойственно веселье. Собравшись утешать речью, я воздержался, побоявшись, чтобы, воображая себя вполне знающим тебя, не быть уличенным в незнании. Ведь то, чем я намеревался облегчить твое страдание, изречения Пиндара, Симонида и те снадобья, почерпнутые из трагедий, какие я привык применять, мне казалось, тебе давно знакомы, и ты обращался с ними к другим. Итак, я соображал, что, если они способны успокоить в горе, ты сам себя вылечишь, а если не способны, то и посторонний человек тщетно будет приводить их».

……..

Явился Стратегий, и я приветствовал этого мужа словом кратким - таков обычай для приветственной речи, - но оказавшимся по нраву и ему, и прочим.

… Платон мой, Зенобий, болел.

408 Фемистию

Снова у вас мудрый Олимпий, снова те собрания, и беседы, и пирушки, достойные описания. Софист говорит в защиту риторики, грамматик - поэтов, ты и Фемистий – из философии. Олимпий пуще всех красноречив и безукоризнен в речи, красотой слов отвлекает сотрапезников от еды и делает слушание приятнее трапезы. Может быть, вспоминаете и меня, и не без доброго слова. Похвалите отсутствующего, и не обидите тем присутствующих.

---

[1] Стратегий.

411

Ввиду несчастья дяди, бедности братьев, удрученной старостью матери не презри меня, влекомого на чужбину, отчего им отечество становится горьким.

426 Анатолию

Благородный Спектат так привязал и привлек меня к себе и заставил любить себя, что кто с закатом солнца хотел видеть меня, должен был спешить к нему и заставал меня там. Даже самое приятное для меня, книги, часто я забывал для него, и он отвлекал меня от этого любимого предмета.

427

Есть возможность увидеть Вавилон, если и не войной взятый, то открытый для доступа законом мира.

429

Вот и сейчас Фемистий, которому что сможешь уподобить, речь коего способна и скифов сделать покорными, чего, чего не сказал, чего, чего не сделал, какого пути убеждения миновал?

430 Араксию

Тот, кто, будучи знаком с Еврипидом, наслаждается личностью Фемистия, о том я никогда не осведомлялся, имеет ли он понятие о наилучшем образе жизни. Вот почему и там[1] я жил с ним душа в душу, и здесь поступал так же, и не переставал быть с ним вместе, дабы услышать что-либо полезное, и дабы сограждане мои считали меня дельным, по моей жизни в общении с превосходным человеком.

431 Гиероклу

Если бы так случилось, чтобы и ты вошел в тот кружок, который собрал вокруг себя Фемистий, всех побеждая, мне бы ничего уже не хватало для счастья. На самом деле, не все даровали боги, но одного мы видели, а с другими сообщаемся путем писем. И ты меня тогда называл счастливым, теперь я тебя. Тогда благо то шло к нам, а теперь к тебе возвращается[2]. Наслаждайся же и

---

[1] В Константинополе.

[2] О возвращении Фемистия в Константинополь.

склони слух к длинному рассказу, и пользуйся обучением новому делу со стороны того, кого когда-то ты обучал.

432 Аристенету

Фемистий свел у нас город с ума в любви к искусству, нигде не оставаясь в молчании, но повсюду произнося речи, и такие, какие естественно произносить этому мастеру, так что, если бы он не уехал скорее, он отвлек бы от его профессии сенат в область своей специальности.

437

Ты гавань сирийцам, и тем из них, что лишены образования, и если они образованны, опять гавань.

442 Деметрию ритору

… а нам доставляют только похвалы твоим речам вместо самих речей…

Столько вложил ты в него звучности, что и был пленен ею, и вскакивал в восторге перед ее красотой, восхищаясь не менее, чем сам Пан богиней!

465 Фемистию

Неужели ты не уверен, что я все бы дал, чтобы исполнить речь перед тобой? Но, полагаю, и тебя задерживать не приходилось, и мне говорить тогда еще[1] не представлялось возможным. Но озабочусь о том, чтобы у тебя была и эта речь, и немало прочих. Никто другой не поможет мне лучше в моих промахах, а то, что удачно сказано, то не найдет ценителя более компетентного.

[софисты] бегают за наместником с речью и кошельком.

471 Мигдонию

Когда я пребывал в Вифинии, избежав той грозы, ты один сражался во Фракии с изгнавшими меня.

494а

Гораздо лучше быть чистым от подозрения, чем, подвергаясь ему, искать того, кто станет тебя обвинять в проступке.

[1] Т.е., когда ты еще не уехал.

495 Аристенету

Мы с тобой восхищались одной древней рукописью красивого письма и разговорились о том, как когда-то красиво писали, а теперь нет такого письма. Ты, взглянув на меня, сказал, что питаешь сильную любовь к таким вещам, и обладаешь такой рукописью в отцовском достоянии, и обещал прислать ее из Никеи. А после ты оказался Филиппом с его обещаниями Афинам.

Не пришлешь книг, не получишь и писем, тоже отзывающихся старостью[1]. Ведь я не становлюсь из Иолая юношей, не так низко ценю я [литературные] законы.

… в великом городе, бежав сюда от великого недуга.

498 Анатолию

Что мне делать: ты говоришь, что жаждешь обвинений, а поступаешь достойно похвал, и на похвалы сердишься, а порицать повода не даешь?

510 Клематию, консуляру Палестины

Наградой тебе будет речь того, кто умеет оповещать о том, что возбуждает его восхищение.

521

Учеником и слушателем,

525[2] Юлиану

Я послал тебе незначительную речь, но о значительных делах. Чтобы она стала более значительной, ты можешь прибавить к ней многое, от чего ее значение увеличится. Если ты сделаешь это, то докажешь, что признаешь меня искусным в составлении энкомиев[3], если же не прибавишь ничего, то я заподозрю обратное.

525[4] Юлиану

Я послал тебе малую речь о великих подвигах. От тебя, конечно, зависит, чтобы вышла и большая речь, если дать то, от чего ей можно возрасти в объеме. Давши же [материал], ты покажешь, что считаешь меня мастером в хвалебных речах. Не давши, заставишь подозревать иное.

---

[1] Т.е. древностью.
[2] Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.
[3] Энкомий — первоначально хвалебная песнь в честь победителя на состязаниях; позднее — любое хвалебное сочинение, похвальное слово или стихотворение.
[4] Вариант перевода: С.П. Шестаков.

574[1] Анатолию, префекту Иллирика, переданное Ямвлиху, путешествующему в Рим весной 357 г.

Ямвлих покидал нас в слезах, причитая: - Неужели я больше никогда не увижу Востока? - Ну отчего же, - ответил я ему, - в скором времени ты встретишь лучших людей Востока среди Иллирийцев! Будучи сообразительным человеком и к тому же родом из семьи, отличающейся интеллектом, он понял, что я имел в виду и прекратил свои жалобы, мысленно сопоставив здешние города с теми людьми, которым эти города обязаны своей славой. Вспомнив о его батюшке, дяде и дедушке, ты примешь его с должным уважением, познав же со временем его интеллектуальные способности - а он привержен наилучшему - ты поразишься этому человеку. Начав же расспрашивать его о моих делах, ты увидишь, что в своем отношении ко мне он во всем подобен тебе, и, постигнув это, ты примешь его как своего сына. Ведь столь велико твое ко мне расположение! Он расскажет и о других вещах, о множестве моих речей, возможно, об их красоте, о множестве учеников и моих трудах на их благо, о юношах, любящих учение, о многих и славных друзьях, о немногих и тщедушных врагах. Сам он тебе об этом не скажет, однако скрывать это было бы неправильно: он поручил мне попечение о нем самом и его делах, из уважения к нашему родству. Впрочем, как мне кажется, он поступил так, отдавая должное моим лучшим качествам, а не потому, что я его родственник.

577

Теперь все вижу, все слышу его глазами, его ушами.

579

Ты бы почтил Максима больше, помогая Северу, чем увенчивая могилу первого.

592

[воцарение] того, кто умеет царствовать.

627

Из тамошних учителей одни по старости нуждались бы в сне на мягком ложе после сытной трапезы, другим, пожалуй, самим надобны учителя, что обучат их сражаться речами, а не оружием.

---

[1] Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.

628 Цельсу, президу Киликии

Если он пенял мне и перед тем, и раньше еще, перед послами – ты ведь знаешь, что он сказал каждому, - я еще не могу винить себя и не могу прийти к убеждению, что мне лучше было написать. Тяжелее нынешнего обещания было бы то, которое явилось бы тогда и которое не позволило бы обвиняемому встретить взор обвинителя. А именно: раньше внушало нерешительность к посланиям величие царской власти. Теперь же красота писем государя вызывает страх вдвойне. Ведь если прочим я и обладаю, но нет столько блеска, как в его письмах. Этот человек больше всех, кто нам известен, сочетает силу с ясностью.

638[1] Гесихию

Тебе известно, что я не меньше тебя сочувствую восстановлению храмов богов, но, в то же время, не вижу необходимости ломать для этой цели другие здания и, таким образом, одной рукой разрушать то, что созидаешь другой. Император законно требует, чтобы всякий, владеющий нашими священными предметами, возвратил их, но те, которые не имеют их, не должны быть обижаемы. Очевидно, что совершающие такие насилия под предлогом ревности к богам думают только исключительно об одном своем обогащении за счет других.

639

Я был поражен ею[2] двадцати лет, с тех пор миновало 28.

648 Цельсу

Не успел государь окончить прием, как встретился со мной, хотя чуть не проехал мимо молча, так изменили мою наружность болезнь и время. Когда же дядя его[3], тезка ему, сказал ему, кто я, он проявил свое удивление необычным движением в седле и, взяв меня за руку, не отпускал и осыпал меня остроумными шутками, более приятными, чем розы, причем и я не воздержался от острых слов. А он удивлял и тем, и другим, и тем, что говорил, и своим терпением к шуткам. Отдохнув немного и потешив город конными ристаниями, он приказал мне держать речь. Я сказал согласно его предложению, сам не навязываясь, а он был доволен, подтверждая тем мое вступление. Дело в том, что во вступлении я сказал, что все мое он считает прекрасным. Так и вышло. Ты и сам

---

[1] Пер. Я.И. Алфионова.
[2] Головной болью.
[3] Брат матери Юлиана Базилины.

был в числе произнесших речи и получивших одобрение, причем боги вблизи, с жертвенника, помогали тебе и сообщали жар и мужество.

651 Анатолию, магистру оффиций

Следовало бы и мне принести благодарственную жертву и получить помощь богов, вождя Муз и того, кто получил по жребию гору[1]. Говорят, государь[2] намерен взойти и туда, считая трудный путь[3] легким, если предварительно умилостивить алтарь. А мне следовало разделить с ним и путь туда, и мольбы. И жертву, и глядеть на браду царя, которой он украшает свою порфиру. Но судьбе то было не угодно, и она нанесла мне удар, какого не бывало никогда раньше.

654

…когда в Никомедии мы наслаждались тем счастьем.

661

Простерши руки к богам, он молил тебе от них и прочих благ, и благополучного правления.

666

О, те многие и отличные речи, какие ты сначала составлял в Финике, после здесь, теперь в Палестине!

669

… благочестивым по отношению к богам, угождать государю и способствовать процветанию отечества.

670

Я уплатил Аристофану долг признательности, а ты мне воздал за мою сильную и горячую любовь, которая не остается незамеченной ни богами, ни людьми, так что теперь я чуть не воспаряю ввысь, воодушевленный письмом твоим, какое внушило мне надежды и прославило мою речь; и вот все уже представляется мне ничтожным, богатство Мидаса, красота Нирея, быстрота Крисона, сила Полидаманта, меч Пелея. Мне представляется, что, даже вкусив некта-

[1] Ср. Amm. Marc. XXII 14,4.
[2] Юлиан.
[3] Т.е., поход в Персию.

ра, я не восчувствовал бы больше удовольствия, чем сейчас, когда государь – таков, какого Платон, хоть поздно, обрел наконец, после долгих розысков, одобрил мой образ мыслей, восхитился моим словом, и, оказывая честь обещанием дать, еще большую честь оказывает желанием обсудить вместе со мной, что следует дать. Значит, даже тот, кто наблюдает восход небесной козы, не может получить всего, в то время как мне, и без страдания, выпадает самый крупный успех. Если попрошу чего-нибудь подобающего, государь готов на милости, подражая богу в небе. Итак, твое письмо будет помещено перед речью, возвещая сынам эллинов, что стрела была выпущена недаром, и моим писанием будет величаться Аристофан, а твоим посланием – я, скорее же, оба мы и посланием, и тем, что будет дано; то и другое придает весу нам обоим. Тебе стоит узнать о страхе Аристофана, чтобы хоть посмеяться. Некто из тех, кто обычно бывают у тебя по вечерам, подошедши к дверям и встретив отказ, под предлогом, что ты сочиняешь речь, сообщил о том мне. Тотчас возникает опасение, как бы, пожелав вступить в состязание с речью, ты не поборол учителя, а Аристофану не причинил беды не хуже нильского наводнения. Пришлось поспешить к уважаемому Гельпидию. А тот, узнав, из-за чего возник мой страх, захохотал. Так я вздохнул свободно, а немного позже получаю твое отличное письмо.

679 Аэцию

Немало юношей от вас к нам, а письма от тебя никакого. Жаль тебе что ли бумаги и чернил; ведь за словом тебе не лазить в карман: в судах твоя речь льется потоком.

683 Энтрехию, наместнику Палестины II

Тебе, как знаменитому Ификрату, воздвигнута в Палестине колонна, достигающая до небес, и это несмотря на то, что в самом начале плоды твоих трудов похищены другим[1]. Но все же ты воссиял с первых шагов твоих, как Ахилл, лишь он коснулся почвы Трои. Будет стоять колонна еще более внушительная памятником второй твоей должности[2], добавлю, и более долгой, исходя из которой будешь уже властвовать не над одной, но над несколькими провинциями, будешь блюстителем еще лучшим, чем над одной. Найдется много людей, полных сил, кто будет славить тебя. Если же состязание и старика допустило бы, вскоре увидят и меня обнажающимся.

685 Северу

[1] Т.е., его преемником.
[2] В Писидии.

Если бы знал Олимпий о твоей любви к моим письмам, то получил бы их больше, чем послал; ни я не ленив на это, ни наследник дружбы, вернее безумия дружбы ко мне Максима.

687 Гиперехию

С проблеском весны, если увидишь, что земля переменилась к нам и обещает хорошее лето, приведи в исполнение свое горячее желание. Ты узришь, любя, любящего.

… ведь ты несведущ в этом искусстве.

689

… и не было никого, кто бы выслушал его молча.

690 Гаяну, наместнику Финикии

Финикийцы пользуются благами, а я в воображении созерцаю эти блага финикийцев, почет, в каком находятся сенаторы, благодушествование народа, отсутствие обид купцам, попечение о земледельцах, робость риторов, какой раньше не бывало, и их занятия Демосфеном, так как они знают, что суд принадлежит человеку, хорошо усвоившему Демосфена. И когда представляется мне, что я вижу это и подобное, я становлюсь веселее, и на вопросы, что меня радует, отвечаю: «финикийцы благоденствуют». Мне возражают: «Да что за дело до того не финикийцу?» «Как не дело?» - отвечаю я. «Благодетельствовать не менее доставляет удовольствия, чем быть облагодетельствованным. А то, чем они теперь обладают, некоторым образом проистекает от меня. Дела правителя и мои». Когда говорю так, отовсюду поднимаю обвинителей, тех, которые не желали бы, чтобы благоденствовали кто-нибудь другие, а не они. Затем пытаюсь защитить, но поднимается крик и шум, и я рискую уйти, получив удары. Такую печаль порождает радость. дело в том, что население по реке Оронту, которое твоим попечением, в бытность твою асессором, пользовалось благополучием, насколько тогда было довольно, настолько теперь пребывает в унынии. Таковы прочные следы, оставленные у нас твоим управлением, и речью сладчайшей меда, добавлю, таков и нрав, сто ничто не в состоянии изгладить их, пока пребудут вода и деревья.

695

Проводим жизнь частью в довольстве, частью не так, вследствие скудости рынка.

696 Бассиану

Прекрасно запахав, посеяв и ожидая колоса, другим ты отправил письмо о пашне, а мне, которому предстоит пуще прочих дела с будущим сыном, письма не отправил.

701

Он же, одно услыхав, а в дело вглядевшись, и прежде, чем ему прибыть сюда, считав его недобросовестным, а по прибытии нашедши его честным, возводит в префекты того, на кого гневался, нимало не подумав о тех, кто будут от того в отчаянии, и вместе внушая давним своим приближенным упражняться в добродетели, когда поставлял на вид, что, если и удаляет с места некоторых, недобросовестность которых заметил, то дельного человека, хотя бы он и врагу служил, и теперь возводит в высокий сан[1].

… Она сама[2] царствует вместе с государем, обретаемая частью в мыслях его, частью в его пророчествах.

707 Антипатру

Я являюсь участником в общем благополучии под управлением наилучшего государя, но в частной жизни ничем не возвышаюсь над соседями: ни пышных построек не предпринимаю, ни земли в большом количестве не покупаю, не провожает меня толпа жезлоносцев, что бьют и пугают встречных, не даю я больших обещаний, не мщу врагу.

В чем заметил ты во мне важность, чтобы обижать меня? Кто в том доносчик или кто из прорицателей сообщил тебе об этой моей важности? У государя я бываю только по приглашению, иначе никогда. И это не постоянно. Являясь к нему, слушаю его речи, ведь он – сирена, и что бы ни сказал, выходит не хуже писанного. С пользой для ума ухожу я, речами государя побужденный к речам. Вот плоды моих посещений. А чтобы советовать: «Вот этого правителя смести, государь, а тот пусть властвует, и тому пусть будет честь, а этого удали с принадлежащей ему должности», от такой глупости мне далеко.[3] И ныне поистине дело соединяется с именем владыки.

709 Гаяну, консуляру Финикии

---

[1] Вариант перевода: «… наставляя тем своих давних приближенных упражняться в добродетели, показывая, что, если каких недобросовестных людей и изгонит с места, то и того, кто служил врагу, если от честен, возвел теперь в сан.

[2] Истина.

[3] Пословичное выражение.

… доставляя удовольствие государю и прорицателю. А он в радости молвил слова, какие естественны в порыве удовольствия, и я, присутствуя там, слышал кое-что из этого и участвовал в рукоплескании, какое ему привычно и о каком и ты, конечно, можешь догадываться.

710 Гаяну, консуляру Финикии

Мне ни хлеба, ни золота не надо, лишь бы такие письма [твои].

Я слышу, ты смеешься, получив меня в зависимость от тебя, став властным и шутить, и назначать цены пшенице и ячменю, но знай, будешь еще более властным.

712 Юлиану императору

Насколько бранил я дорогу – а она была трудна, - настолько и еще более себя, за то, что сюда вернулся, а не доехал до самой станции и не дал себе увидать на следующий день, с восходом солнца, божественную главу. Не мог, конечно, и город меня утешить, так как он страдал. Злосчастьем его называю не недостаток продуктов на рынке, а то, что он признан и считается недобросовестным, низким и неблагодарным со стороны того, кто обладает столь великой властью и еще большим умом. Далее, пока Алким[1] был со мной, был при мне тот, кто выслушивал мои речи, где я винил самого себя и распространялся о моих почестях, какие были оказаны мне тобой. А когда он удалился, я заменил себе друга потолком, глядя на который со своего ложа, говорил: «Теперь государь приглашал, теперь я входил к нему и садился – он и это дозволял, - теперь заступался за город – и это можно было говорить государю в защиту тех, кто его оскорбили. А он одерживал верх правотой своего обвинения и своим искусством говорить. Но в своей ревности в защите я, тем не менее, ни ненависти не возбуждал в нем, ни подвергся удалению». Вот чем я себя угощаю, и молю от богов, во-первых, дать тебе победу над врагами, затем, явить тебя перед нами прежним[2]. В мои мольбы входит и третье пожелание, что те [боги] слышали, а тебе его не скажу. Следовало бы и этого не высказывать, что не скажу. Ведь ты проницателен настолько, чтобы отгадать это третье по самому тому, что я скрываю это свое пожелание[3], а я боюсь именно того, чтобы ты не стал молить противного. Но теперь переходи реки и грознее реки обрушься на лучников. А после обдумаешь то, что, по твоим словам, ты уже обдумал. Меня же не переставай радовать в разлуке. Ведь я пошлю письмо, дабы вызвать твое письмо из центра битвы, в уверенности, что твоей натуре свойственно это, и войско строить, и вместе с тем сочинять послания. Таким образом, тело мое причиняет мне лише-

---

[1] Учитель риторики.

[2] Т.е., по-прежнему милостивым.

[3] Вероятно, имеется в виду прощение Юлианом Антиохии.

ние, так как мне приходится слышать о том, что следовало бы видеть. А счастливый Селевк увидит, потому что предпочел, как то и подобает, славу служения такому государю и отличной жене своей, и возлюбленной дочери.

714

Ради богов, преклоняясь перед которыми уже давно, ты ныне признал их.

722[1] Юлиану

Признаюсь, я сперва был весьма недоволен правлением Александра[2] и огорчен тем, что самым видным людям среди нас пришлось потерпеть неприятности; я оценивал поведение Александра не заслуживающим одобрения, а как дерзость, не подобающую правителю. Значительные денежные взыскания, наложенные им, ослабят наш город, как я полагал, но величия ему не прибавят. Однако теперь результаты сурового правления Александра налицо и я изменяю свое мнение. Ибо те, кто прежде до полудня рассаживались в купальнях или спали, теперь, подражая лаконским нравам, стали выносливы в труде и работают не только весь день, но и часть ночи, и словно прикованы к дверям Александра; чуть кто кликнет их из внутренних покоев, как все со всех ног бросаются туда, - оказывается, даже не прибегая к оружию, одними угрозами можно превратить бездельников и нахалов в людей трудолюбивых и разумных. Каллиопе тоже, согласно твоему желанию, воздается должный почет - и притом не только конными ристаниями, но и театральными зрелищами; в театре же совершаются и жертвоприношения богам, и большая часть граждан изменила свои взгляды; в театре слышали обильные рукоплескания, а между рукоплесканиями призывали богов. Правитель ясно показал, что рукоплескания присутствующих ему по душе и от этого они стали еще сильнее.

Вот каким, о владыка, прозреньем обладают некоторые люди! Оно дает возможность предугадать, кто сумеет лучше других управлять и домом, и городом, и народом, и царством.

722[3] Юлиану императору

Те, кто к полудню, приняв ванну, спали, обратились в лаконцев по нравам, стали выносливы и сверх дня трудятся немало и по ночам, как бы пригвожденные к дверям Александра. Только тот крикнет в своем покое, и все содрогается, так что, мне кажется, не будет нужды и в железе, потому что одной угрозы достаточно, чтобы нерадивых и дерзких обратить в деятельных и вместе с тем скромных. Сверх того, достойно твоей

---

[1] Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.

[2] Александр — родом из Гелиополя, немного моложе Либания. Отличался вспыльчивостью и грубостью. В 363 г. император Юлиан назначил его правителем Сирии и Киликии.

[3] Вариант перевода: С.П. Шестаков.

души чтится Каллиопа, не только конскими ристаниями, но и утехами на сцене, и в театре приносятся жертвы богине, и немало перемен у нас, так что слышится сильный клич, и в кличе этом называют богов. Правитель же, проявляя свое удовольствие по поводу такого клича, вызывает еще пущий, большей толпы. Вот какая вещь, государь, пророческий дар для людей. Он внушает им, какими мерами всякий наилучше сможет управиться и с домом, и с городом, и с провинцией, и с царством.

724

Голод для нас беда вдвойне, и сам по себе, и вследствие гнева государя.

725

Чтобы знали степень такой дружбы и кем ты правишь, и у кого живешь, сохрани для меня этого человека в том классе, какому он принадлежит.

726

Город, пораженный голодом и приговором государя признанный преступным.

731[1] Гесихию

Если христиане думают о богах иначе, нежели ты, в таком случае это заблуждение приносит вред исключительно им одним и не должно служить причиной к их преследованию. Такие поступки, полагают некоторые, будто бы угодны богам, но так думать, значит ясно не понимать истинного почитания богов. Если виновный беден и не может заплатить, то какая польза мучить его?

…..

(Велею)

Берегись, чтобы не сделать нам многих мучеников вроде Марка Аретузского. После того, как он висел в воздухе, подвергался бичеваниям, вырыванию бороды и мужественно переносил эти страдания, - все почитают его теперь за Бога, и где он является, все соревнуют, чтобы принять его к себе. Когда узнал об этом император, то, как он ни огорчался разрушением храма, совершенным Марком, при всем том не дозволил его умертвить. Посему сохранение Марка в живых должно служить для нас законом.

736 Деметрию ритору

Государь, конечно, не хуже государя, я бы сказал, что и лучше, если кто предпочитает цельную добродетель неразумной смелости. Но сравнивая совет-

---

[1] Пер. Я.И. Алфионова.

ника с советником, смотри, не прояви непонимания того, насколько конь разнится от осла. Я же избавил город от голода, что, может быть, произошло бы и без чьей-либо просьбы, благодаря душе государя. Убедить, что с нашей стороны оскорбления ему не было, я пытался, но удалился без успеха: с таким ритором вступил я в борьбу. Остается еще кое-что сделать для примирения, к чему я обратился и к чему призываю тебя.

758 Александру

Ты пускаешь в дело все средства, какими рассчитываешь лишить учеников тех, кто сидят в других местах, и привести сюда рассеянных по всей Сирии.

762 Феодору

Ты победил, написав к не писавшему. Так было бы, если бы пришло ко мне и малое письмо. На самом деле оно длинно и прекрасно, и дает понять, что жил среди книг. Выслушай мою защиту моего молчания … [о том, что обману подвержены не только люди, но и боги] … У меня была дружба с тобой, и ты с радостью встречал меня, я тебя, и мы наслаждались добрыми свойствами друг друга. Но когда ты последовал за императором, и большое расстояние легло между мной и тобой, некто, явившийся от вас к нам, заявлял, что ты дозволял себе ежедневно против меня речи, заключавшие много поношения, а когда я не верил, клялся всеми богами, что было так.

764

Я знал, что ты возненавидишь того человека, много делавшего вопросов, против меня направленных, и чуть не ударами принудившего Ромула показать нечто на меня, чем он рассчитывал повредить мне.

765

Мои мольбы о доме царя [Феодосия] знают все люди, ведущие со мной знакомство, и все боги знают и то, что этим путем я был участником его похода против тирана.

766[1]

Еще посылает послов и венки императорам[1], зная свою бедность, но стыдясь все же выйти из числа городов, хотя положение ее дел давно уже ее из

[1] Об упадке Эмесы.

него исключило. Око Финикии, жилище богов, мастерская речей и источник духовных наслаждений – да и не перечислить удобств жизни в ней, - этот обширный и прекрасный город в большей части погиб, немного домов остается, да и тем предстоит исчезнуть вслед за прочими.

771

[из трех] четвертым выбирают Прокула построенные им в городе улицы, площади, стои, бани.

775 Прокулу

Дошли до меня слухи о твоих там действиях и о том, что ты изгнал там с площади все несправедливости и лихоимство. Прежняя твоя деятельность уже стала предметом прославления, этот последний период ждет еще ораторов. Если нашлись для тебя и лучшие силы по дару слова, и нашим ораторам надо избегнуть укора в бездеятельности.

777

Неверно утверждение тех, кто заявляют, что Финикия[2] безусловно необходима или надо молчать.

783

Знаешь, какое чувство я испытываю перед несчастьем других, и если увижу кого-нибудь уязвленного судьбой, жалею, и если чем могу облегчить, не колеблюсь.

790

Благодетельствуя людям своей величайшей властью, ты благодетельствуешь им в свою очередь и путем посылки по провинциям правителей. Дать грамоту [о назначении] дело государя, но ты докладываешь, когда надлежит послать, как и сейчас Египту и Нилу вы дали человека, отлично понимающего, как следует приходить на помощь городам, что дала ему и его природа, и его риторическое и юридическое образование.

794

---

[1] Феодосию и Аркадию.
[2] Т.е., Берит и юристы.

Получив место, подобное моему, он приобрел бы известность.

801[1] Ямвлиху, отправленное в Афины зимой 362/363 г.

Твой слуга подошел и спросил о письме и, с некоторым сомнением, я ему дал его. Сомнение мое связано с тем, что ухватившись за этих сынов Эрехтея, знаменитый Акрополь, прекрасных людей, места и богов, ты, похоже, пренебрег ради новых радостей тем, что прежде радовало тебя. И все же, дать ему письмо меня убедило или, скорее, заставило расположение к тебе. Ведь ничто не может помешать моей любви к тебе, даже твое стремление к другому. И претерпев оскорбление, вопреки пословице я не ослаблю узы любви. Именем твоего рода призываю подождать Боэдромиона и причаститься божественному; если же тебя влечет какое иное посвящение, то поспешить и вступить в общение с богами через их таинства; но призываю тебя посчитать священным и другое, а именно: вернувшись в отчий дом воссоединиться и пребывать с теми из твоего рода, кто еще жив, и почитать тех, кто уже ушел. А коли земля Паллады крепко держит тебя, вновь призываю: произведи в Афинах детей и продли наш род. Ведь город полон потомками Кодра,6 а одним этим действием ты и породишь сынов и докажешь свою верность тем, кто тебе дорог. Истинно любящие сохранят свое дружеское расположение к тебе, остальных же ты увидишь бегущими прочь. Мой благородный друг - и из благородной семьи - сделай прежде всего то, что я тебе сказал, ибо это правильно, если же победят неблагоприятные обстоятельства, то пусть легко найдется решение.

822

Слыша о твоем рвении, какое ты справедливо противопоставил неправде наших послов, причем они старались достигнуть отмены поставленной курии, я радовался и выражал свою радость. Теперь, услышав, что победило их усердие, и что тщетными оказались все труды твои, поступаю, как естественно в печали: уронив письмо, плачу, теряя тго, кто был пастырем юношей.

825

Избрав его софистом и послом, не как члена совета, а с тем, чтобы он не потерял того звания [учителя риторики], в каком находился, причем его красноречие служило на пользу посольству.

834 Филагрию нотарию

---

[1] Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.

Теперь я допускаю, что речь моя о законе составлена хорошо, после того как ты это говоришь и пишешь о нем. Она не была, впрочем, написана после отмены закона, препятствующего говорить речи, ради упражнения, но отстаивая то самое, чтобы дозволялось во всякое время говорить тем, кто обладают умением в том. Вот в каких видах составлена была речь. Но она была задержана дома, так как люди, знакомые с делами во дворце, уверяли, что это небезопасно, так как есть опасение, чтобы кое-какие люди не вооружили лицо, установившее закон, против автора речи. Когда же судьба взялась за мое дело, и один и тот же и установил, и отменил закон, тогда речь поступила в театр, и увещание это имело успех наравне с энкомиями.

840 Прокулу

Со мной ли произошло по пословице, что обида разогнала любовь, но и прогоняемый и осыпаемый ударами и какой-какой брани не наслушавшись, я все же остаюсь поклонником и стремлюсь к тому же и, если кто примет, являюсь с готовностью, считая, что ничего не было сказано.

… Никакая речь не сравняется с значительностью его деяний.

841 Оптату

Если тебе и было, в чем обвинить, то не следовало подвергать такой каре.

842

Сын прямодушного человека, унаследовавший его правила нравственности, гонимый за это в нашем городе.

844

… некто из влиятельных лиц в сенате …

845

Человек, воздержанный в удовольствиях

848

Прекрасный человек, которого за добродетель зовут у нас философом.

857

А я – в преклонной старости и чуть двигаюсь.

858

Ведь не соскоблил же с меня старость лет кто-либо из богов и сделал меня цветущим юношей?

859

А для меня самое приятное – когда кто-либо славит тебя или твоего родителя. Многие так славят и вместе молят вам жизни и власти. Они благосклонны и материкам, и островам, зная, что благодаря вашим советам их положение улучшается.

874 Панегирию

Боэф, податель сего, представляется мне счастливым, потому что способствует успеху эллинской речи, и притом в пору, которая является порой расцвета другой.[1]

877

Хорошо оплакал ты Олимпия, а меня похвалил. Ведь важнее всякой речи для восхваления проявить опасение, как бы с горя я не сошел с ума.

878 Татиану, префекту претория Востока

О чем сейчас пишу, о том, может быть, следовало бы написать уже давно, но тому мешала некоторая нерешительность. Но так как дело это не ждет, больше откладывать нельзя, если бы я и очень желал не говорить. Ведь, пожалуй, услышав после, ты и рассердишься, что не слышал раньше. Чего же я прошу и чего желаю получить от человека, для которого должные милости – удовольствие? У меня сын от жены доброй и такой, характер которой заставляет меня пренебречь великими богатствами отцов, имевших дочерей. Желая, чтобы сын мой стал ритором, я, после того, как он приобрел искусство речи, внес его в список адвокатов, и денег много он не собрал, но его язык стяжал ему много похвал, причем в них не отказывали ему и сами его противники. Узнав все это обстоятельство, тот, кто получил царство от самого Зевса, подает мне помощь, подобающую его натуре, и став выше того, что служило препятствием[2], дозволил, чтобы перешло к сыну мое малое состояние, и оно перешло. За эту честь да

[1] Т.е. латинской.
[2] Т.е., закона.

будет наслаждаться государь всегдашним благополучием. И в то время, как друзья мои одни направляли его в курию, а другие сохраняли в той его профессии, какой он принадлежал, причем эти вторые, казалось, давали лучший совет, он держался своего занятия словесным искусством, но, убоявшись кораблей, и хлеба, и моря[1], а также бичевания в звании декуриона[2], чему никогда не подвергался и из-за речей[3], обретает одно убежище - пояс и административную должность. И со слезами просит вместе с тем взять на себя смелость послать письмо к тебе с этой целью. Во всяком случае, он удовольствуется любой данной ему должностью, ведь всякая доставит одинаковую безопасность, также и всякий срок, будь то хоть месяц.[4] Можно наблюдать это на многих примерах. Итак, благородный человек, освободи от боязни и молодого, и старика. Ведь эта беда случится даже, уже когда меня в живых не будет, как мудрецы говорят, и под землей радуются и печалятся.

881 Сополиду

Счастлив в немного дней обежавший много мест и могущий сказать: - Я видел ареопаг, видел акрополь, видел богинь, примиренных после долгого гнева, когда пришедший на помощь отцу[5] уже был оправдан от вины. Видел и ту, что приобрела в поединке город, воспитательницу Ерехфея.

888 Гераклиану

Почтишь Дифила, не без оплаты с его стороны, так как он будет прославлять твое управление, отличные свойства которого я вижу. Таким управлениям требуются красноречивые уста, от которых бывает бессмертная память о событиях. Знай, что своей заботой об этом риторе порадуешь и Палестину, где он ведет свои курсы, и своих подданных, откуда он родом.

Вводя в души юношей древних поэтов, он и сам хороший поэт[6].

889

Прошу через тебя счастливого Татиана. Как же не счастлив он, сам будучи столь превосходным и делающий такие милости при посредстве такого сына. Итак, прошу равного, и скорее большего от того, кто гораздо значительнее.

---

[1] Т.е., повинности хлебных фрахтов.
[2] Сенатора города.
[3] О наказании в школе ременной плетью см. ep. 1119.
[4] Должность была нужна для вступления в состав константинопольского сената.
[5] Орест.
[6] Дифил.

906

Нас ходило немало, восхищаясь его нравом и испрашивая справедливых милостей.

909

Тем, кто, благодаря тебя, существуют, благоденствуют и возрастают, следовало бы, конечно, и восторгаться, и петь, и плясать, и чем только возможно отплачивать за множество великих и блестящих благодеяний, за каковые боги, владеющие городами, дали тебе, через посредство божественнейшего государя, нынешнюю почесть.

913

Сами боги восхвалят … и попечения о нем твоих братьев (киликийцев Аполлония и Гемелла)[1]: он бы умер, если бы они тогда не потрудились и не употребили забот, врачей, бодрствования, расходов.

926 Рихомеру, военному магистру

Вспоминая о тех многих и великих знаках внимания, какими ты меня почтил, явившись сюда, и считая себя обязанным отплатой за них, не могу воздать делом, но, быть может, той или иной речью и словами, как и в данном письме. Я желаю, чтобы твоя душа, всегда неизменно шествовавшая по стезе добродетели, возбуждавшая восхищение людей, угождавшая богам, протягивала руку помощи честным людям в несчастье, поднимала их, помогала им, а порочных не теснила в случае их падения, но и не защищала их.

942

За что бы ни взялся Прокул, все успешно выполняется. Если ты не пишешь мне, имея в виду эту причину, я не унываю, а если все же пишешь, я полюбуюсь тем, что успеваешь делать и то, и это. Соревнуя с трудолюбием отца, ты, мне сдается, будешь иметь ту же старость, причем тот же будет хвалить, тот же давать. Может быть, и сам я это увижу и воспользуюсь тем.

944 Рихомеру

---

[1] Бывшие ученики Либания.

Многое и не раз приводит мне на память те праздники и те дни, которые дали мне возможность проводить время в твоем обществе, и я чту те дни, называя их праздниками, не без основания. Ты, и явившись к нам, и в своих свиданиях со мной, делал для нас наши беседы слаще меда, так что одни уходили преисполненные довольства, а другие за тем же являлись. И всякая скорбь бежала, ты давал источник радости. А больше прочих получал я, которого ты всегда искал и приглашал, и который выслушивал у стены речи, каких другие не слыхали. С тех пор зародившаяся у меня и у города любовь к тебе упрочилась, остается и никогда не изменится. Мы радуемся твоему благополучию, а невзгоды твои встречают с нашей стороны соответственное отношение, наши мольбы летят к богам, чтобы всюду ты наслаждался лучшей долей; пусть снова явишься ты с божественным императором сюда и снова вступишь в любимую Аполлоном Дафну, которую ты почтил прогулкой туда и внимательным обозрением, и притом в течение одного дня, полагаю, так как дела призывали тебя к себе, нельзя было посвятить Дафне больше времени. Даровать нам это – дело богов, святынь, которых много в городе, много и в окрестностях его.

959 Полемию

Я, который часто с тобой смеялся – и это бывало у нас после серьезных занятий, - теперь сижу в горе и [одно] у меня дело – плакать, так что даже один из глаз скорее кажется таковым, чем есть на самом деле. Но и по языку я не тот, что был, и по разуму, и говорить речи мне удовольствия не доставляет, хотя рука и не ленива.

968

Кто не слышал о смерти Кимона, которого ты сам знал, слышал его речи и нередко хвалил? Итак, оплакивая его труп, я сидел, дотрагиваясь до пищи лишь по настоянию друзей, которые говорили, что не следует навлекать на себя смерть и к гибели сына добавлять свою, и письма, сюда приходящие, я принимал не без слёз, посылать же был, право, не в состоянии.

969 Адельфию, консуляру Галатии

Ты искусен в этом и выдумываешь на себя, и поступаешь так же, как если бы ты сказал, что неопытен в попечении о городах. Ведь ты, на самом деле, мастер в этом и в том, чтобы увеличивать их благоденствие, сравнительно с тем положением, в каком ты застал их. Таковы были и ожидания, возлагавшиеся на тебя, а теперь сообщают, что твое управление стяжало тебе любовь, благодаря тому, что, стоя на страже законов, ты не дозволяешь богатству торжествовать в процессах над бедностью, и что дела у тебя идут больше силой убеждения, чем посредством бичевания. И этим ты делаешь счастливым свой род и меня, Фе-

никса[1], весьма желающего благоденствия галатов, которые всегда содействовали моему успеху и теперь оплакивали умершего Кимона.[2]

971

… завещание, принесшее бедность …

977 Модесту

Но разве может их быть еще много в то недолгое время?

980 Бакурию, комиту доместиков

Письмо твое застало беседу о тебе, какой я люблю предаваться с друзьями, считая большим удовольствием похвалы тебе, какие вызывает твоя натура. Один твердит о твоей справедливости и твоем убеждении, что бог и видит, и знает всё, происходящее на земле, другой о твоей умеренности и твоем большем господстве над страстями, чем над воинами, третий о твоей мудрости [военачальника], благодаря которой тебе достаются боевые победы. Некто выразился даже так, что никакой страх ни перед какой опасностью не коснулся твоей души. А мне самой значительной чертой в твоем характере представляется то, что ты любишь речи и тех, кто ими занимается, за что ты друг тем богам, чей предмет заботы – речи, и тем, кто дает их. В то время, как мы пребывали в таких цветах, а ты был лугом, некто вручил мне твое письмо, свидетельствующее о твоем пристрастии к речам. В самом деле, если человек, живущий среди военных забот, носит в своей душе человека, живущего в занятиях литературой, и не только чтит его в памяти, но и письмом, разве это не поступок человека, чтущего риторическое искусство своим вниманием к риторам. А меня, не раз собиравшегося писать, удерживало нечто, не всегда одно и то же, но всегда что-нибудь. Боги и это тебе даровали, дабы тебе больше прославиться. Не одно и то же послать письмо и ответить на него.

983 Аммиану Марцеллину[3]

Рим кормит риторов, которые идут по следам отцов. Теперь, как приходится слышать от лиц, прибывающих оттуда, ты сам выступаешь и будешь выступать перед публикой с чтением своего сочинения, разделенного на много частей, причем та, что появилась, вызывает похвалы и заставляет нетерпеливо ждать новой.

---

[1] Т.е., наставника.

[2] Побочного сына Либания Аррабия.

[3] Шестаков С. Письма-энкомии ритора Либания // ЗООИД. 30. 1912. С. 97-108.

1032 Барбатиону

… Но мало имев случая в прежнюю свою побывку[1] встречаться с тобой, я не достиг большого сближения и по своему нездоровью, и по недосугу твоему на твоем крупном посту.

1039

Невозможно сказать, чтобы я хоть на драхму стал богаче от царской казны, я, который даже из тех дедовских имений, сколько там было, - не требовал ничего обратно, и даже когда он заставлял, не принял.

1040

Что тот город [Константинополь] больше и выше его красотой, чем величиной, и что он не только нас, но и все города превосходит дарами моря, этого оспаривать невозможно. Но не скрою от тебя, какое чувство я испытал. У меня появилось мнение, что тот быстрый на своих крыльях и сильный стрелами бог [Эрот] расположил тебя скорее к этому, чем к тому. Это делает он и в области плотской любви. Часто, минуя горбоносого и белого, он отдается черному и курносому.[2] Думаю, что Эрот услаждается склонностью к странному. Так и этот город – говори, что хочешь, - мы считаем предметом твоей страсти, а тот, горбоносый и царственный с виду, не оказывается в пренебрежении, но не столько озаренным светильником бога. Выслушай, почему мнение это не лишено основания. Если кто-либо из двух женщин одной дарит больше, другой меньше, за какой, скажешь ты, ухаживает он больше? Разве не за той, очевидно, на которую больше тратится? «так вот меня, говорит город, ты украсил многими домами, как ожерельями, многими банями, одними в стенах города, другими как раз перед воротами и стенами, насадил сады, построил столовые для утехи. Эти служанки отовсюду окружают меня – селения, тоже не лишенные красоты.[3] А ты после стольких трат обратишься к другому городу?» Если это скажет город, скажет посол, а он скажет – так подучил город, - что ответить? За словами дело, конечно, у тебя не станет, на речь ты боек. Но нам важно не слово слышать, а увидеть то, в чем ты нуждаешься. И считай, что посольство добивается двух вещей, во-первых, вернуть нам взросшего у нас охранителя [т.е. императора], во-вторых, Нестора императора»[4].

---

[1] В Константинополе.
[2] Ср. Ep. 705.
[3] Речь идет о проастиях (пригородах) Антиохии.
[4] Датиана, постоянного советчика императора Констанция.

1047 Датиану

… Это начало сумасшествия, которое, если поможешь, остановишь на этой ступени; не поможешь, вступление дойдет до той ступени, до какой пускай бы не доходило никогда.

1048 Сопатру

Что вы наделали, удивительные люди! Вы околдовали у нас правителя, и апамейцы для него всё. Видно, вы держите какую-либо фессалийскую колдунью; не иначе, как ее дело, что мы [антиохийцы] в пренебрежении, а вы [апамейцы] – осыпаемы похвалами. Александр, говоривший, что прибыл после того, как облагодетельствовал хороших людей, еще больше проникся уверенностью в том, после того как получил твое письмо. А получил он письмо потому, что я пожелал, чтобы он всё знал, и то, что ты мастер в письмах.

1050 Максиму, префекту Египта

Все гавани принимают урожай Нила.

Старая любовь к Нилу внедрилась в мое сердце. Кто бы не возжелал увидеть страну, которую пожелал посетить Платон, Пифагор?

Если поможет житель и страж Мемфиса, явлюсь поглядеть прославленный Египет, ставший всем желаннее, благодаря твоим заботам.

1053

Явившись в Апамею, ты нашел письмо за тот город, если угодно, за тебя. Ведь одно и то же письмо ему [городу] приносило благополучие, а тебе славу. В то время как люди привыкли с приближением правителя то убегать на вершины гор, то переносить бичевание и заключение; скорее все, чем платить свои повинности, ты своим появлением преобразил город, и одни вносили, другие пели, третьи плясали. Но никто не бежал, не подвергся бичеванию, не заключен был в тюрьму. Такими чарами эту область, одичавшую и суровую, и претерпевшую, и соделавшую немало злого, ты сделал послушной и покорной.

1057[1] Александру

Будь ревностен к богам, и насколько имеешь возможность, увеличивай число их почитателей. Но не удивляйся, если найдутся и такие, которые, принесши жертву богам, в скором времени станут раскаиваться в том, что они со-

---

[1] Пер. Я.И. Алфионова.

вершили. Среди народа они тебе повинуются, но по возвращении домой, под влиянием слез и просьб своих жен, быстро меняют свои убеждения.

………

(Велею)

Освободи его, прежде нежели сделаешь святым. Орион объявляет, что ничего не украл у богов, но если бы даже и украл, то в настоящее время не имеет ничего, а ты хочешь найти в его коже золотой рудник. Клянусь Зевсом, пощади его, или, если он должен подлежать взысканию, то пусть оно будет совершенно без мучений.

1061 Фемистию

Я прочел, восхищаясь каждой фразой, то же впечатление испытывал и Цельс. Наблюдая искусство в каждой фразе и новость изобретения, и троечную колесницу божеств прекрасной запряжки, и те необходимости, коими они были связаны, и вступления энкомиев, и прелесть выражений, я готов был писать о речи особый трактат: столько приходило мыслей с ходом чтения; так и по уходе посетителей, и, в особенности, ночью. Запечатлевшись в душе, речь и спать не давала. Но когда уже я собирался взяться за писание, в город проникла молва об убиении [Юлиана].

Я одно только знал – плакать. Заставший меня в слезах и сейчас, Клеарх попрекнул меня, но прекратить моего плача не мог. Так и я не мог прекратить радости тех, кто радовался этой смерти. Не удивляйся же, что я молчу. Тем, кто горюет, не до речей и не до писем. Принесет ли время избавление от печали, бог знает.

1064 Кесарию

Теперь, если когда-либо, тебе следует бодрствовать и блюсти, чтобы призвавший тебя [император] оказался безошибочным в своем расчете.

1066

Молва огласила, каковы были твои поступки при вступлении на границу [провинции]. Пусть дальнейшее будет еще лучшим. То обещает пройденное тобой образование, упражнение в справедливости и то, каким показал себя брат твой в управлении Каппадокией.

1071

Было добрым делом с его стороны оплакивать того, кого и я оплакивал, кто оставил землю осиротевшей.[1] Он сообщил, что и весь город в таком настроении, и да будет благо за то, что он чтит отошедшего, как живого. А этот великий город еще и торжествовал, по наущению того, кто тебя присутствующего обидел, а отсутствующего требовал. Но пусть не перестанет обуревать того тревога.

1078 Селевку

Ты ли, которому обстоятельства дали случай проявить свою доблесть, ты, который персов не побоялся, неужели ужасаешься деревьев и, после того как сносил солнце в странах по Тигру, в тени листвы на Понте жаждешь городских площадей и заявляешь, что – одинок, чего никак не может случиться с человеком, приверженным литературе? Да разве тебя покинули Платон и Демосфен, и тот хор, что необходимо пребудет там, где ты только пожелаешь? С ними беседуй и описывай войну, которую вынес, и действительные обстоятельства не коснутся тебя, взирающего на столь великий подвиг. Это и Фукидиду облегчило его изгнание, и я бы обо всем этом подробно рассказал, если бы ты не знал этого прекрасно. Во всяком случае, считай, что ты чрезвычайно угодишь всем людям своим писанием. Ведь ты видел подвиги со многими, но у тебя одного речь достойная этих подвигов.[2]

1089

Мне же доставляют удовольствие не только письма твои, но какое бы то ни было воспоминание об изящном Ульпиане. Я поступаю так в беседах то с Олимпием, то с Пергамием.

1092 Кесарию

… если я для тебя мало значу…

1099

Ты уже можешь считаться заселителем Аравии, как не назывался бы, если бы не спас города от порчи. Продолжай же леченье, и приобретай похвалы трудами, и считай ничем не менее почетным дыма Итаки дым этой земли, где ты свершаешь такие дела.

---

[1] Юлиан.

[2] Т.е., риторическая подготовка.

1103

Теперь мне Евфрат слаще Босфора, откуда письмо ты прислал, хотя был болен.

… когда правителями являются те, кому править подобает, а простыми обывателями те, которым больше пристало оставаться в сфере частной жизни.

1111 Фемистию

Ведь оракул изрек, что для Пелазга всякая страна отечество. А я, если дозволительно мне нечто прибавить, сказал бы, что всякая земля, где находится Фемистий, является отечеством любителю образования.

1116 Марию, консуляру Финикии

Раньше ритор, привлекши к содействию юриста, оба сильны были помощью друг друга. Но теперь, кто не приобщился законоведению, тот прямо Эгией, ставится ни во что.

1117

Ты отвергаешь, что письма твои отличаются красотой стиля, чтобы тебе можно было писать без красоты. Но будь уверен, что ты прекрасен в письмах, и не будет тебе предоставлено свободы от этого обогащения литературы. Но вспомни, как ты говорил, уезжая, что скромностью должности воспользуешься для упражнения в красноречии. Теперь или признай свой административный пост крупным, или проявляй красоту своего слова.

1123 Мегефию

Я готов дивиться, как сам-то я не окажусь в числе тех, кто спешат в Берит. Так, дети, мужи, старики сушей и морем идут, летят, ввиду преобладающего мнения, мне кажется, что слаб тот адвокат, который не приплывает оттуда. Но многие примеры служат опровержением этому мнению, и прежде всех твой собственный: к тебе прибегающих ты спас, напавши с Демосфеном на тех, кто носится с увесистыми томами [законов].

1125[1] Юлиану

О, какую ненасытную жадность возбудил ты во мне твоим письмом! Сколь великий удел в области красноречия, похищенный у других, выпал на твою долю, прекрасный правитель и мощный оратор! В прежние времена люди,

---

[1] Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.

подобные тебе, совершали подвиги, а восхваляли их мы, а ты теперь сочетаешь то и другое. Можем ли мы сказать что-либо о твоих деяниях более изящно, чем то, что оказал ты о моем письмеце? Более всего я думаю о том, какое великое будущее ожидает тебя, покорившего Финикию, творящего правый суд над своими согражданами, идущего походом на варваров и тем не менее не теряющего искусства речи. Впрочем, будущее меня не тревожит - мое поражение я буду считать победой: ведь когда победитель и побежденный - друзья, то и побежденный становится участником победы - у друзей, как говорят, все общее.

1126 Евфимию

Для меня толки, каким я внимаю здесь, сидя на месте, приносят больше удовольствия, чем сад Алкиноя, приносивший золотые яблоки, куда, говорят, доходил Геракл. Один твердит о твоей строгости в процессах, другой о твоем в них трудолюбии, третий о твоем плавном и красивом слове, четвертый о твоем душевном равновесии, пятый о том, что всех подчиняешь себе кротостью. А Олимпий, подводя итог, утверждает, что в твоей натуре объединилось всё, что оправдывает название совершенного начальника, и что такого составляет.

1132 Кесарию

Может быть, нет ничего непростительного в нарушении закона в угоду другу, но подобает присоединить к делу слово и прекратить для Цельса всякий повод к тщетным надеждам. Так ты поступишь и мне в угоду, устраняя для меня необходимость в письмах принужденного тона.

1133 Марию

Если я, старик, люблю тебя, старшего возрастом, не удивляйся: я люблю душу твою. А ее красота возрастает с увяданием тела.

1134 Фемистию

А поднявшийся оттуда ветер, донесшись сюда, поднимает на нас волны и вызывает те последствия, о которых сообщит Македоний.[1]

1135 Деметрию, консуляру Финикии

Ты посылаешь такое письмо к новому Танталу. Ведь у меня прямо жажда к твоим источникам. Источники – близко, а пить не даешь, хотя сам желаешь получить мои. И по справедливости мог бы ты давать от своих: пошлешь

---

[1] Курьер, доставивший письмо.

любящему тебя, сам желая получить. А человек тот, о котором ты говоришь, что он прочел мое сочинение, данное ему тобой, не удивительно, если сделал это из расположения ко мне. Ведь он хвалил то, с чем познакомился уже давно. Уже давно, вместо того, чтобы подвергать меня оценке, он хвалил, хотя он искусен в речи, еще искуснее в критике. Несмотря на то, лишь возьмется за что-либо из моих произведений, этот строгий судья тотчас становится лишенным своего суждения. Откуда у него эта слабость, я объясню тебе: вифинец Аристенет посещал вместе с ним школу в Афинах, и они завязали между собой дружбу, равную прославившейся нашей. Между прочим, что понравится одному, встречает одинаковую оценку со стороны обоих, так как тот следует этому, а этот тому. Итак, после того как Аристенету заблагорассудилось считать меня неплохим, уже невозможно было Акакию не считать меня искусным; насколько можно было содействовать успеху речи и тоном голоса, и жестом руки, и прочими способами, и то, что не было изящно, он нередко заставлял казаться изящным. Если же бы не было этого принуждения, ты, конечно, увидал бы с его стороны насмешку.

1138 Гельпидию

Вспомни о том, кто своей смертью дал тебе повод к слезам и, может быть, найдешь, что он отпустил многим немалые вины, и не такие еще, какие вызывали ваше [Севером] столкновение.[1]

1142

… боги ему благосклонны.

1143

Теперь тебе дарованы почести по заслугам парой императоров[2], никто из людей не доволен тем так, как я.

… спасая города их опытностью, а риторам давая награду за труды.

В пору, когда возвышаемы были мастера в стенографии, а занимающиеся моим искусством были в загоне, почтив искусство назначениями на должности риторов, ты вложил любовь к нему юношей, наполнил ими школы наши.

1144 Макиму, консуляру Галатии

---

[1] Правила «эллинской» морали для образованного человека – прощать обиды, помогать в беде.

[2] Валентом и Валентинианом.

Молва очищена и никакого облака не примешивается к доброму слову, но всюду один голос, что превосходный Максим – ученик Радаманта, ни соблюдением закона не огорчающий подданных, ни законов не преступающий по кротости к ним, но всякий являющийся оттуда на вопрос, как правишь ты провинцией, отвечает прямо: «Хорошо и умело». И эта молва[1] ходит при дворе, распространяется, признается верной и доставляет удовольствие тому, кто любим богами и является спасителем вселенной[2].

1145

Мы вместе[3] посещали школу, и дружба наша с течением времени возрастала благодаря взаимному рвению и усердию.

1147

… прошла мимо туча …

1148 Салутию, префекту Востока

Прими во внимание, что из многих благодеяний, оказанных городам покойным государем, величайшим считалось, что власть, пред которой следует наиболее преклоняться, отправляема твоей кротостью.

… Меня утешают два обстоятельства: хороший государь на смену хорошему, и тот же префект, что прежде.

1157[4] префекту Александру

Оправдай Евсевия. В случае же, если не пожелаешь его отпустить, то иди, если посмеешь, и возьми его у меня, так как он находится в моем доме. Но в то же время, клянусь богами, я не считал бы себя большим трусом, как допустив тебя сделать это.

1162

Мне кажется,, ты не без основания жалеешь о светильниках, что горели у нас в бане, где можно было немало сказать, немало и выслушать.

---

[1] О хорошем управлении Максима провинцией.
[2] И.е., Юлиану.
[3] С Севером.
[4] Пер. Я.И. Алфионова.

1175 Олимпию

Когда я писал, мне стали припоминаться обеды и те речи, которые текли из твоих уст к усладе и Фемистокла, и пившего софиста, и как, говоря угодное Дионису, и сам он смеялся, и заставлял смеяться прочих. Представляю себе, как и сейчас вы так же сидите за столом, и ты с превосходным Фемистием принимаетесь за обсуждение Платона.

1177

… язык, который приводит всех в восхищение.

1183

… дав вкусить [ему] сладкой почести, … теперь оставляет жажду неутоленной.

1184

Зенобий, наш учитель, был всем для нас.

1186 Аристофану Коринфскому

И многие нападали на меня с оружием, а я, не быв тогда сильным, лежал бы мертвым, если бы меня не вырвал от смерти тот, кто уворовал и связанного Ареса. И теперь некто, прячась, пустил в меня стрелу, и я был вписан как злоумышленник, но снова кто-то из богов притупил стрелу, и я остаюсь на месте после опасения быть выдворенным.

1186 (?) **Скилакию**

В то время, как я еще не переставал лить слезы, своим письмом ты меня поверг в еще сильнейший плач. Так метко вел ты в нем речь о тех благах, какими мы когда-то пользовались, и о тех, какие еще выпали бы на нашу долю, если бы некто из богов вернул нам одержавшего победы. И вот его-то больше хвалят те, кто потерпел от него поражение, чем те, в защиту кого он вступил в бой. Из последних некие два города, за один из которых мне совестно, торжествовали даже. Но это извинительно для них: кто хочет своего нравственного падения, считает врагом лицо, не позволяющее доходить до такого падения. Если даже его исправителю доводится умереть, тот, кто не мог исправиться, радуется, потому, что ему можно пребывать [по-прежнему] в своей порочности. Вот каков город, с которым я живу. Он враждебен и богам, и тому, которого ты правильно оцениваешь, зачисляя его в сонм богов. Я и сам так решил, и вместе стенаю, соображая, каковы были надежды, и что вышло. Вот он с богами, а мое положе-

ние ухудшилось; да будет позволено так выразиться, что мое именно. Что бы только было, когда бы он вернулся из Персии, а ты прибыл из Финикии, он – ведя пленных, а ты – чтобы взглянуть на призы его трудов! Я же произнес бы речь о подвигах его, малую о великих деяниях, а он стал бы повествовать о том же. Явилась бы туча сорок[1], предмет смеха тебе и мне, говорить не умеющих, но собирающихся бить других за свое невежество. Вот какого торжества лишил нас демон.

… Но некоторые воины, которые раньше меня не знали, сообщили данные о числе дней, о расстояниях пути, о названиях местностей. О подвигах же не рассказали ничего такого, чтобы точно исчерпать предмет, а лишь слабую тень, не могущую удовлетворить задаче историка. Если же тебе нужны и вышеупомянутые сведения, сообщи мне, и тебе будут доставлены сообщения воинов. Они записали, а я надеялся на изложение других лиц.

1218 Филагрию нотарию

Счастье, что ты спасся. Однако следовало тебе, как свойственно тому, кто радуется, посылать письма друзьям с сообщением, от сколь великой бури ты спасся. Но, полагаю, ты пренебрегаешь мной, так как у тебя есть записки о войне, зная, что придется умолять тебя софистам, которые жаждут сказать слово об этих подвигах. До меня доходит слух, что ты заносил в свои записки последовательно все происходившее, природу местностей, размеры городов, высоту крепостей, широту рек и все, что пришлось свершить и претерпеть. Но если ты так поступал мне в угоду, то же душевное расположение требует, конечно, и написать мне письмо, а если в угоду себе и соратникам, следовало бы меня порадовать, по крайней мере, письмом. Скажу, что я думаю об этих твоих записках. Не менее ты будешь просить меня склонить к тебе мой слух, чем я тебя вслух читать мне их. Ты сообщишь мне голые факты, я облеку их в риторическое одеяние. Ведь тебе желательно, чтобы деяния были представлены в красивом изложении, как мне, чтобы события не остались в неизвестности. Но тут ты одно дашь, в другом получишь выгоду. А пока тебя не будет, одолжи то, что можно дать и в отсутствие, в особенности, когда тебе можно сообщить о доблести государя во всем и о его благоволении к тебе. Нет ничего удивительного в том, что радовался наилучшему слуге тот, кто никогда бы не стал прибегать к бесчестным. Итак, продолжай писать, а Сальвия[2], друга мне, считай и себе другом. Он не станет докучать тебе и умеет помнить о благодеянии.

1222 Евтолмию

[1] Имеются в виду христиане.
[2] Доставителя письма.

Что ты прислал письмо, хвалю, что медлил, не одобрю: несвойственно то ни другу, ни ритору. Если тебе говорить боязно, то и орлу летать.

1224

… Дела нет Гиппоклиду!

1228 Аристофану

… ибо он умеет разогнать печаль.

1239 Аристенету

Стиль письма убедил меня, что ты занят чтением Платона.

….

Если бы жена его услышала о его отчаянии, как он себя губит, она громко восстенала бы о том, что дала повод к такому бедствию.

1242 Анатолию

Я всегда удивлялся твоей благосклонности ко мне и не мог себя уверить, что ты поступаешь так не по внушению кого-либо из богов. Так, оказывалось, ты превосходил всех, кто заверяют меня в своем расположении.

1250 Спектату

Ты нам внедрил в душу жало, будящее воспоминание о твоем нраве. У меня и Клематия текли слезы по щекам на пути у ворот. После надежда снова увидать тебя вскоре утишила печаль.

1254 Фасганию

… алчного и губящего великий город человека.

… Я дал Евбулу понять, что с охотой увидел бы здесь Акакия, и он имел об этом разговор с правителем, прибавив, что поступает так мне в угоду. Но тот не очень обратил на это внимание, не находя нужным тащить человека против воли.

1284 Кесарию

Но сейчас, если раньше нет, пусть будет тобой предпринято нечто такое, из чего галаты могли бы убедиться, что мной не игнорируешь.

1292 Марию

Много от тебя и красивых писем, последнее достойно того искусства слова, какое заложено в твоем уме с детства, первое[1] доказывает, что у тебя во всей силе привязанность ко мне. Сам же я, если и не пишу столь часто, но в чувстве дружбы к тебе отплачиваю тебе равной монетой. Когда я писал это, город был приглашаем мной для выслушания одной речи, которая, если она будет иметь успех, будет предложена твоей оценке. Превосходного Руфина, который избегает наших сборищ, не представлялось удобным утруждать сейчас. Но будучи сам докучаем просьбами любителей слушать, которые взыскивали с меня обычную дань зимнего сезона, я не в состоянии был ни их остановить, ни обойти молчанием Руфина. Так я приглашаю его, и он согласился. Благополучие плавания – дело Диоскуров.

1294 Деметрию ритору

Я знаю, что на многие письма не ответил. Причина – печаль, которой не стыжусь, ощущая ее по столь славном, павшем в бою[2]. Ведь и публичное исполнение речей, прекращенное мной на долгое время, я едва теперь только возобновил. Думаю, ты сам одобряешь мое уныние. Ты нигде, действительно, не попрекнул меня за молчание, как имеющее основание.

1314 Клеарху, викарию Азии

Я желал и воссылал мольбы, чтобы такие и подобные меры изобрел мой доблестный Клеарх и узаконил. Что – безвозмездно, то отцовская у тебя черта, и тот [отец твой] после множества должностей оставил честную бедность вместо недобросовестно собранного богатства. А что введено тобой на спасение слабых и для прекращения неправды людей сильных, прямо дело Радаманта, вернее того, отца твоего. Но дабы не лишить мне материала будущее мое слово, причем там он будет более на месте, чем в письме, отложу всё, относящееся к энкомиям [всё, впадающее в область энкомия].

1320

… кровь, копье и смерть.

1324

---

[1] Т.е., количество писем.
[2] Речь идет об императоре Юлиане.

Нужно, по собственному его признанию, прямо каменное сердце, чтобы противостоять этим стрелам.

1327 Марию

Долгое время не писал я. Долгое время горевал. Много у меня умерло, много и вместе лучших людей, одни еще не стариками, другие очень молодыми. Мне приходилось оплакивать их и путем, обычным для прочих, и тем, что дают книги.

1328 Ульпиану, консуляру Финикии

Знаю, Руфин считает меня не чуждым Муз. Но что он потратил день в беседе обо мне, тому, уверен я, ты виновник. Лишь только он обнаруживал желание свернуть разговор на другое, ты его снова направлял на ту же тему, не позволяя, чтобы упоминание о другом предмете отодвинуло меня из вашей беседы.

[Руфин] венчал Ульпиана своими похвалами.

1340

Ты так настроил лиру, что вместе и законы в силе, и дано место милосердию.

Ведь просить у богов, чтобы не правил тот, кто умеет править, дело врага, да еще врага, желающего действовать исподтишка.

1345b

…живя в Одиссее и ежедневно декламируя поэму с детьми.

1349 Максиму, префекту Египта

Когда державнейший Юлиан поручил тебе дело управления, он возрадовался его приговору и восхвалил судьбу, принявшую выгодное для него решение.

1350 Аристофану

Письма его[1] ко мне и к нему мои одни пошлю, других нет. То и другое по собственному суждению. Появление одних не опасно, а других может быть опасно.

---

[1] Юлиана.

1351 Никоклу

Что же, думал ты, клянусь Зевсом, я остальную жизнь буду проводить в лугах, цветах и спокойствии, после того как земля овладела такой главой. Не таким, чтобы он превосходил красотой Эанта, но таким, который красотой души побеждал полубогов и заставил персов плакать, а нас возвел на высоту.

… Я предпочел бы, чтобы его и не было; а раз оно уже произошло, я озабочусь, чтобы Клеарх исправился.

1374 Бассиану

Ты покажешь себя в своем послании мастером, но не непогрешимым человеком. Меня же примирило с тобой то самое, что ты искусен в речи. Если ты воспользовался приемами борьбы против педотриба, для меня важно, что ты стал хорошим борцом.

1381 Ульпиану

… хотя и невозможно заставить съевших изрыгнуть то, что ими проглочено.

1385

Геронтий послал письмо, а ты ни раньше, ни теперь. Ты верен себе.

1387

Как поступают обычно те, кто получают письма из множества мест.

1390 Салутию

После стольких милостей напоследок ты огорчил Евагрия.

1397 Салутию

Если же демон окажется сильнее, я зачту тебе, и самое усердие твое в деле.

1426а Алкиму

Теперь есть надежда, что колеблющаяся опись поселян будет установлена. Для пересмотра ее является муж весов справедливее, по пословице, в каче-

стве наместника поддержавший благополучие двух провинций, в прежнее время Фригии, недавно население Евфратовой. Теперь он послан, так как один признан императором за человека, не способного ни к воровству, ни к тому, чтобы его обворовывали, первое по своей справедливости, второе ввиду своей чрезвычайной проницательности. Уверен, что этот человек снимет неправое бремя с полей и у этого населения, и что ваш город, так приятнее мне называть его, возникающий вновь[1], увенчает Юлиана доброй славой.

1426b Гаяну, консуляру Финикии

Нам надо радоваться восстановлению святилищ, но не добавлять к восстановлению жестокости, чтобы, порицая то, что тогда[2] делалось, не приходилось выслушивать в ответ упреков того же рода.

Боги не подражают жестоким заимодавцам, но если кто отдаст им их собственность, они не будут довольны притеснениями ему.

1429 а Модесту, префекту Константинополя

Ты видишь, как много значат добродетели. Все тот же ты и раньше правил, и теперь пользуешься доверием, и с прежним царствованием не прекратилось испытание тебе на поприще общественного служения. Причина этому та, что и тогда ты не был в числе покупателей или в числе тех, кто пользовались властью для торговли, притом несмотря на возможность для тебя так поступать и в ту пору, когда те, кто желали быть справедливыми, подвергались осмеянию. Узнав это, мне кажется, тот божественный и ненавидимый персами муж, в награду за добровольную бедность,[3] дал тебе важнейший пост после императора, а Юлиану дело, нуждающееся в справедливости Радаманта. Пределом его попечения является Вифиния, но любовь уводит его к тебе, за море: будучи вблизи столь достойного друга, он не мог удержаться от свидания с ним. Он воспользуется, конечно, приятнейшим для него сообществом. А меня тот воин избавил от большого страха, какой внушили мне раньше дошедшие сюда ложные вести, будто город бесчинствует и подвергается бедствию. Он же сообщал, что некоторые презренные, бездомные люди впали в безумство, но большая и лучшая часть населения сохраняет благоразумие, ты ни в чем не дал промаха, и буря быстро сдалась и успокоилась, и прибытие в гавань было блестящим и завидным, так что все места были полны толпой, прославлявшей тебя, что твоя колесница загорожена была толпой людей, обступивших ее с рукоплесканиями. Это сообщил мне воин, а я оповещал других, изгоняя слово словом, верным –

[1] Никомедия после землетрясения 24 августа 358 г.

[2] При господстве христиан.

[3] Бедность должностного лица как признак добросовестности, воздержания от лихоимства часто фигурирует у Либания в похвалах его хорошим администраторам.

неверное. Письмо же твое пошло за Евфрат. Неудивительно, если не скоро попадет оно в руки императора. Последний наступает, наводняя персидское царство, и где он теперь, точно знать ему самому, а что делает, о том он оповещает через пленных, от которых можно слышать, что он стремится, а города повергаются. Мы же затруднены приемом пленников.[1] Сказал я тебе это в оправдание воина, чтобы тебе доставить удовольствие и, вместе с тем, себе на радость.

1429 b Никоклу

Мне приходится быть признательным тем, кто произвели там[2] волнения, если благодяря тому мы снова будем иметь тебя здесь. Слышу, что ты вернул городу правителя и отправляешься к императору для защиты города, который вполне правильно усмотрел, что ты один в состоянии выпросить у него прощение народу. Тогда увижу, как ты хлопочешь, тяжело дышишь, обрабатываешь речи, переносишь и предпринимаешь то, что я зимой, когда ты присутствовал и помогал в одном открыто, в другом прибегая к хитрости. Но я разговорился, как будто бы ничего не угрожало. А между тем одно я преодолел, другое подходит. И ты сделаешь, сколько хочешь, и тебе не могут понадобиться помощники, нам же могут понадобиться против бури, и ты, и твои сограждане, и дети Леды и Зевса Умилостивляющего. Не знаю, негодные ли мы люди, но такими считаемся[3], и потерпим ли еще иное наказание, не знаю. Но то, что жители Тарса предпочтены нам, и то, что тот, кого ты знаешь, одного города избег, а другой избрал, какого еще наказания тяжелее? Но, милейший, явись к нам поскорее, дабы потрудиться за оба города, так как и мы тебя изберем послом. Ты был издавна другом благородному Юлиану,[4] по знакомству и там, и здесь, и еще раньше, вследствие того почитания, в какое он тебя поставил, когда правил фригийцами. Теперь же по справедливости ты можешь сделаться для него всем, принимая в соображение, кем и с какой целью он был послан. Ведь содействовать к славе тем, кого считает хорошими твой ученик, было бы твоей выгодой, учителя его. Рассмотри же его следствие. Мы не желаем ускользнуть от твоего взора, но, подобно искусным поэтам, призываем тебя к суждению.[5] Ты найдешь[6] и здравый образ мыслей, и справедливость, что и тебя удовлетворит, и, по твоему докладу, императора.

---

[1] Это место указывает на то, что Юлиан уже далеко прошел вглубь Персии, и определяет время написания письма.
[2] В Константинополе.
[3] Т.е., такими признал антиохийцев Юлиан.
[4] С этого места речь идет о доставителе письма Юлиане, бывшем президе Фригии. Вряд ли это дядя императора.
[5] Как грамматик, Никокл был истинным ценителем поэтов.
[6] Т.е., и с нашей стороны, как у таких поэтов.

1462 Приске

Ты для него[1] всё, к тебе его влечет, по тебе томится и спешит к тебе, и воспевает хвалу Пафлагонии[2], природу страны, обилие источников, соседство моря, все без исключения восхваляя. Даже этот холод ему представляется мягким. И не Пафлагония его к тому склонила, а твои душевные качества, добавлю, и телесные.

1466[3] Ямвлиху, отправленное в Афины или их окрестности (?) в 365 г.

Не удивлюсь, если ты становишься “царственнее” по отношению ко мне, нежели кто-либо. Ведь вам, философствующим, это слово подходит более, нежели тем, к кому оно обращено в поэме. Не получая от меня частых писем, не удивляйся, ведь никто из твоих людей больше меня не навещает. Зная причину, я умолчу о ней. Если бы я выступал обвинителем, то сказал бы; для самозащиты же этого достаточно. Я браню лишь твою любовь к деревенской глуши, из-за которой я не могу увидеть тебя; и хвалю ее же за то, что она избавляет тебя от суеты. Ведь любителю муз подобает уподобиться Музам. А Музы вершат свои дела в горах в тишине и покое. Если бы на Теспийской агоре они распевали песни, их бы живо освистали. Так что они остались в горах, хотя и не в одиночестве, как, впрочем, и ты. Они пребывали друг с другом, ты же сейчас с теми, кого они коснулись - с Пифагором, Платоном, Аристотелем и твоим божественным тезкой. Как может быть одиноко там, где собрался столь славный хор?

1474 Салутию, префекту Востока

Ты оживил меня письмом, в то время, как я лежал с того дня, о котором сообщать тебе мне не приходилось бы: сам ты о том догадываешься. Отлично понял это превосходный Приск[4], который, застав меня подобным рыбам, что засыпают на берегу, пытался поднять меня с ложа, располагая сильным снадобьем к излечению таких душевных аффектов. Но, потратив на то много дней, успел он мало. Когда пришло твое письмо, «как, - говорит он, - для тебя много значит, что жив этот человек, - он имел в виду тебя, - спаситель провинций, радетель о друзьях». И в своем душевном расстройстве и полной непригодности к делу мало-помалу я стал пробовать собраться с духом.

1475

---

[1] Бассиана.
[2] Родине Приски.
[3] Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.
[4] Знаменитый философ того времени.

Я и Филипп – товарищи по школе, но я пеш[1], а он крылат, питомец Муз, подражатель Гомера.

1484 Гельпидию

К довершению всего произошло то, чего еще недоставало, что ты увидел юношу, о котором я много говорил и тебе, и тому мужу, любезному Зевсу и опустошившему Персию.

1489[2] Модесту

Долгое время я находился в страхе, как бы современное положение дел не отразилось на тебе неблагоприятно и на тебя не обрушилось безумное неистовство простонародья. И мне тоже пришлось претерпеть нападки и подвергнуться некоторой опасности, однако, не со стороны народа, а со стороны нескольких власть имущих...[3] Я прогневил одного высокопоставленного человека, и мне, как некоему Сизифу, пришлось прибегнуть к помощи нескольких лиц. Однако причина этой жалобы на меня та, что никто, как следует, не разузнал, о ком шла речь. Мне, правда, удалось благополучно выбраться из этой сумятицы, а в тебя, по счастью, молния не ударила.

И все же я не чувствую той радости, которую обычно испытывают те, кому удалось спастись, на что они уже не надеялись. И все же опасаюсь, что те же люди обвинят меня в том, что им не удалось меня убить, и в то время, как его[4] уже нет с нами, я все еще здесь. Поэтому я все время живу, обливаясь слезами и помышляя о том, что вавилонская земля[5] впитала кровь лучшего из людей.

Да будет тебе всегда дана возможность побеждать врагов и помогать друзьям!

1488 Фемистию

… которому многие надежды разрушил тот, павший близ Вавилона.[6]

1490

..при былом счастье – счастьем называю пребывание в Никомедии.

---

[1] Т.е., прозаик.
[2] Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.
[3] Пропуск в рукописи.
[4] Т. е. Юлиана.
[5] Юлиан был похоронен близ реки Тигр на территории Вавилонии.
[6] Юлиан.

1491[1] Фемистию

Северина[2], этого превосходного человека, я знаю не очень близко; не то, чтобы мы были совсем незнакомы, но между нами нет тесной дружбы. Причиной этому то, что убит человек[3], питавший великие намерения и обладавший великой силой; но зависти врагов он избежать не мог. С этого времени (а Северин появился здесь незадолго до этого события) я погрузился в молчание и все, что прежде радовало меня, теперь мне в тягость; ненавистна мне агора, ненавистен мой дом; я ухожу в поля и беседую с утесами...[4]

Помоги Северину, чтобы он не остался без дела; ты многое можешь сделать - ведь ты в силе, ибо те, в чьих руках власть, охотно оказывают тебе милости.

1491[5] Фемистию

Недолги были мои занятия с отличным Северином, так что мы не совсем незнакомы друг с другом, но и не познакомились близко. Причина - убиение того, кто питал великие намерения, и великое мог совершить, но зависти не мог избежать. С того именно дня – а Северин явился незадолго до того – на меня напала охота к молчанию, и все, чему прежде я радовался, теперь мне противно. Ненавижу площадь, ненавижу дом, ускользаю в поля, беседую со скалами …

1492

Не успел я узнать это[6], я пожелал тебе всяких благ, разразился похвалами тебе, не желая, чтобы кто-либо из людей остался в неведении их. И тотчас в руке кодекс и перо, и писание не длинное. Но долги ежедневные речи о благодеянии, оказанном мужественному Александру, оказанном мне и Каллиопе, вложившей тебе в душу силу словес, Каллиопе, город которой он исхитил из многих погибелей.

1497

Такова твоя натура – печаль превращать в радость.

1507 Салутию

---

[1] Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.

[2] Некто Северин, в 363 г. прибыл в Антиохию, откуда направился в Константинополь.

[3] Т. е. Юлиан.

[4] Пропуск в рукописи.

[5] Вариант перевода: С.П. Шестаков.

[6] Об оправдании Александра.

В тягостях жизни моей Цельс знает такие наговоры из философии.

1510[1] Фемистию

От меня не укрылось то, что ты на площади, в присутствии множества людей, высказал обо мне весьма хвалебные суждения. Об этом мне сообщил один вифинец, который любит город, некогда славный, а ныне лежащий в прахе[2]. Он-то и написал мне об этом, желая чтобы я по этому случаю высказал тебе мою благодарность. А я вовсе не намерен ее высказывать; не высказал бы и в том случае, если б ты упомянул не только о моих сандалиях, - о чем ты и упомянул - но и о любой моей обуви. За что стал бы я тебя благодарить, раз ты этим путем восхваляешь себя самого? Ведь наши с тобой речи по общественным вопросам настолько сходны по форме, что они, несомненно, дети одного отца, то есть родные братья, вернее даже - близнецы. Поэтому, если кто осудит мои речи, то и твоим достанется, а если их похвалят, то и похвала выпадет на долю нам обоим. Именно поэтому ты, желая вознести хвалу своим собственным речам и в то же время избежать дерзкого самохвальства, сделал это, использовав мое имя. Но, любезный мой, скажи-ка, если стадо гусей назовет тебя гусем, а себя сочтет за лебедей, разве оно не ошибется в оценке и тебя и себя? Нет, если они скажут это нам, "мудрым аргивянам",[3] они не изменят ни нашего мнения о них, ни их мнения о нас. Эти люди кое в чем являются побежденными, кое в чем победителями, - а отнюдь не во всем побежденными; разве ты не видишь, что в питье они одолеют Кратина, в еде - Геракла;[4] они наслаждаются тем, что у них множество поваров, они обивают пороги многих домов и добиваются при этом столь многих благ, что я .действительно не могу дотянуться даже до их сандалий. Пусть же они и упиваются теми благами, о которых шла речь. А что касается тебя, то лучше бы ты оказывал благодеяния Цельсу, твоему ученику; ты сделаешь ему добро, если не скроешь от него ни одного из тех ухищрений, на изобретение которых ты затратил столько времени.

1517 Палладию

[Нумений] … умеет разглашать свою признательность.

1521 Клеарху, викарию Азии

---

[1] Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.

[2] Т. е. Никея, пострадавшая от землетрясения.

[3] Т. е. софистам. Слово «аргивянин» было синонимом слова «грек».

[4] Кратин - представитель древнеаттической комедии (VI-V вв. до н. э.). Самая поздняя его комедия «Винная бочка» одержала победу над «Облаками» Аристофана; в ней автор изображал самого себя, показывая свою слабость к вину. Геракл в комедиях выводился большей частью не как герой, а как обжора.

Где ты познакомился с Музами, и что они сказали тебе и что дали? Очевидно, ветвь, благодаря которой ты течешь потоком речей и разливаешь длинные и красивые письма.

1522 Руфину

Речами своими о речах[1] ты опережаешь меня, чья жизнь – красноречие.

… исключая Сократа – Викторина, моего согражданина, так приятнее мне называть Евдема. Остальные – головы Горгоны, стрелки, стрелы.

… Итак, страх мешал посылать, а уважение к тебе убедило посылать.

1544

Если пишешь не без изящества раньше, чем стал получать [частые письма], что же будет, когда будешь их получать во множестве.

[1] Т.е., их оценкой.

Избранная библиография

Болгова А.М., Сбитнева Ю.Н. Риторическое образование на Римском Востоке в IV в. и школа Либания // Классическая и византийская традиция. 2009. Белгород, 2009. С. 134-136.

Amirault, Chris. The Good Teacher, the Good Student: Identification of a Student Teacher // Gallop. 1995. P. 64–78.

Banchich T. Julian's School Laws: *Cod. Theod.* 13.3.5 and *Ep.* 42 // AncW. 24. 1993. P. 5–14.

Benedetti, Isabella. Giuliano in Antiochia nell'orazione XVIII di Libanio // Athenaeum. 59. n.s. 1981. P. 166–179.

Bonner, Campbell. Witchcraft in the Lecture Room of Libanius // TAPhA. 63. 1932. P. 34–44.

Booth, Alan D. A` quel age Libanius est-il entrer a` l'ecole du rheteur? // Byzantion. 53. 1983. P. 157–163.

Bouchery, Herman F. Themistius in Libanius' Brieven. Gand, 1936.

Bradbury, Scott. A Sophistic Prefect: Anatolius of Berytus in the Letters of Libanius // CP. 95.2. 2000. P. 172–186.

Bradbury, Scott. Libanius' Letters as Evidence for Travel and Epistolary Networks among Greek Elites in the Fourth Century // *Ellis, Linda, Kidner, Frank L.* (eds.).Travel, Communication and Geography in Late Antiquity. Burlington, Vt., 2004. P. 73–80.

Cabouret, Bernadette. Libanios: Lettres aux hommes de son temps. Paris, 2000.

Cabouret, Bernadette. Correspondance et societe dans l'empire romain tardif: Libanios au service de ses proches // *Sohn, Anne-Marie*. La correspondance, un document pour l'histoire. Rouen, 2001. P. 15–27.

Cabouret, Bernadette. Le gouverneur au temps du Libanios, image et realite // Pallas. 60. 2002. P. 191–204.

Cribiore R. Libanius's Letters of Evaluation of Students // L'epistolographie et la poesie epigrammatique. Actes de la 16e table ronde du XXe Congre`s international des Etudes Byzantines. Paris, 2003. P. 11–20.

Lieu, Samuel N.C. Libanius and Higher Education at Antioch // *Sandwell, Isabella, Huskinson, Janet* (eds.). Culture and Society in Later Roman Antioch. Oxford. 2004. P. 13–23.

Norman, A.F. The Book Trade in Fourth-Century Antioch // JHS. 80. 1960. P. 122–126.

Norman, A.F. The Library of Libanius // RhM. 107. 1964. P. 158–175.

Norman, A.F. Libanius: The Teacher in an Age of Violence // *Fatouros, G., Krischer T.* Libanios, Briefe. Munich, 1983. P. 150–169.

Norman, A.F. Antioch as a Centre of Hellenic Culture as Observed by Libanius. Liverpool, 2000.

Pack, Roger Ambrose. The Medical History and Mental Health of Libanius // TAPhA. 64. 1933. P. 53–54.

Pack, Roger Ambrose. Studies in Libanius and Antiochene Society under Theodosius. Menasha, Wis., 1935.

Petit, Paul. Libanius et la vie municipale a` Antioche au IV sie`cle apre`s J. C. Paris, 1955.

Petit, Paul. Les etudiants de Libanius. Paris, 1956.

Petit, Paul. Recherches sur la publication et la diffusion des discours de Libanius // Historia. 5. 1956. P. 479–509.

Petit, Paul. Les Senateurs de Constantinople dans l'oeuvre de Libanios // AntCl. 26. 1957. P. 347–382.

Pinto, Mario. La scuola di Libanio nel quadro del IV secolo dopo Cristo // Rendiconto Istituto Lombardo. 108. 1974. P. 146–179.

Schemmel, Fritz. Der sophist Libanios als SchuË ler und Lehrer // Neue Jahrbuh cher fur das klassische Altertum und fur Padagogik. 20. 1907. S. 52–69.

Schouler, Bernard. Le role politique de l'ecole au temps de Libanios // Cabouret, Bernadette, Gatier, Pierre-Louis, Saliou, Catherine. Antioche de Syrie: Histoire, images et traces de la ville antique / Topoi, suppl. 5. 2004. P. 97–115.

Silomon, Hans. De Libanii epistularum libris i–vi. Diss. Gottingen, 1909.

Swain, Simon. Sophists and Emperors: The Case of Libanius // *Swain, Simon, Edwards, Mark* (eds.). Approaching Late Antiquity: The Transformation from Early to Late Empire. Oxford, 2004. P. 355–400.

МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ.
Документы и материалы

Вып. 3:
ПИСЬМА ЛИБАНИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Учебное издание

Сдано в набор: 23.02.2015.
Подписано в печать: 28.02.2015.
Тираж: 200.
Набор и редакция: Н.Н. Болгов.

Над изданием работали:
Анна Михайловна Болгова
Николай Николаевич Болгов